

Ливия Норвейн

ПЛЕННИЦА
ЧЕРНОГО АЛЬФЫ.
Муж продал меня врагу

18+

Ливия Норвейн

**Пленница Черного альфы.
Муж продал меня врагу**

«Автор»

2026

Норвейн Л.

Пленница Черного альфы. Муж продал меня врагу /
Л. Норвейн — «Автор», 2026

Муж продал меня за двенадцать тысяч серебряных крон. После семи лет брака. Чтобы расплатиться с собственными долгами. Теперь я пленница Радана Керна — Черного альфы, о жестокости которого рассказывают страшные истории. Я ждала цепей, унижений и приказов. Но вместо этого он задал один вопрос: "Что ты видела в ночь гибели моего брата?" Я не помню той ночи. Тогда погиб и мой отец, а муж уверял, что спас меня из огня. Но почему он столько лет запрещал мне возвращаться на переправу? И зачем лекарь ежедневно давал настой, от которого мои воспоминания оставались запертыми? Теперь память возвращается. Холодная вода. Окровавленный мужчина. Нож в моей руке. Черный альфа хочет правды. Мой бывший муж готов на все, лишь бы я молчала. А я все сильнее тянусь к мужчине, которому не должна доверять. Меня уже однажды продали. Больше я не позволю никому решать за меня — даже если люблю своего пленителя.

Содержание

Глава 1. Цена жены	5
Глава 2. Лекарство от правды	32
Глава 3. Чужая кровь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ливия Норвейн

Пленница Черного альфы.

Муж продал меня врагу

Глава 1. Цена жены

— Надень темно-синее платье. И жемчуг.

Гален произнес это, не отрываясь от бумаг, разложенных на письменном столе.

Я остановилась у двери.

— Мы будем принимать гостей?

— Северян.

— Сегодня?

— Через два часа.

Я посмотрела на мужа. Четвертый день после поражения он почти не выходил из кабинета, ел здесь же и разговаривал со мной только о хозяйственных делах. Слуги ходили на цыпочках. В замке старались не упоминать о сражении, в котором наша стая потеряла пограничную заставу и тридцать семь человек.

Я ждала этого разговора с тревогой. Но никак не могла понять, зачем на переговорах понадобилась моя парадная одежда.

— Ты ведь говорил, что мир уже согласован.

— Условия согласованы. Сегодня подпишем бумаги.

— Тогда я должна подготовить зал. Вчера кухарка сказала, что муки осталось на три дня, а северяне привезут с собой охрану. Нужно знать, сколько человек...

— Мира.

Он поднял голову.

Я замолчала.

За семь лет брака я хорошо выучила выражение его лица. Слегка приподнятая бровь, плотно сжатые губы. Так Гален смотрел на людей, которые не понимали очевидных вещей.

— Приготовлениями займется управляющий. Тебе достаточно хорошо выглядеть и не вмешиваться.

— Но если запасов...

— Я сказал, управляющий.

Я вздохнула. Спорить сейчас не имело смысла.

На столе перед ним лежали две стопки документов. Одну я узнала сразу: ведомости пограничных расходов, которые сама сводила на прошлой неделе. С другой стороны лежала раскрытая долговая книга в зеленом кожаном переплете.

Раньше Гален никогда не держал личные счета вместе с военными.

— У нас неприятности с казной? — спросила я.

Он закрыл книгу.

— После войны у всех неприятности с казной.

— Если нужно сократить расходы, я могу...

— Я разберусь.

Он снова занялся бумагами, давая понять, что разговор окончен.

Я уже взялась за дверную ручку, когда муж добавил:

— И надень свадебное кольцо.

Я обернулась.

— Оно на мне.

Гален мельком посмотрел на мою руку.

— Хорошо. Можешь идти.

В коридоре было прохладно. Из открытого окна доносились крики конюхов. На дворе разгружали два воза с сеном, и я машинально отметила, что один из них следовало отправить в нижнюю конюшню. Там стояли лошади гонцов, которым предстояло возить сообщения между заставами.

Потом вспомнила распоряжение мужа и прошла мимо.

Когда-то Гален называл мою привычку вмешиваться в хозяйственные дела забавной. На первом году брака даже смеялся, рассказывая гостям, что его жена способна определить недостачу зерна по одному взгляду на амбар.

Теперь его раздражало, если я задавала лишний вопрос.

Я объясняла это войной, усталостью и постоянными тревогами.

В последнее время мне слишком часто приходилось искать объяснения.

В спальне я достала темно-синее платье, которое муж подарил на прошлый зимний праздник. Плотная ткань, узкие рукава, серебряная вышивка по вороту. Оно было красивым, но неудобным. В таком хорошо сидеть за столом и улыбаться гостям. Узкая юбка мешала подниматься по лестнице, а рукава стесняли движения.

Я уложила волосы и достала жемчуг.

Рядом с жемчугом в шкатулке пустовала выемка для серебряной подвески с тремя темно-синими камнями.

Украшение Гален подарил мне на пятую годовщину свадьбы. Весной сломалась застежка. Муж предложил отдать подвеску своему мастеру, и с тех пор я ее не видела.

Нужно будет напомнить.

Я застегнула жемчуг и посмотрела в зеркало.

В двадцать девять лет я выглядела старше, чем хотелось. Не настолько, чтобы это замечали посторонние, но достаточно, чтобы замечать самой. Под глазами появились тени. За последние недели я плохо спала, почти не выходила за стены замка и постоянно ждала дурных новостей.

Гален не смотрел на меня так, как прежде.

Последний раз он поцеловал меня больше месяца назад, перед отъездом на заставу. Быстро, в лоб, уже повернувшись к выходу.

Я убеждала себя, что после заключения мира все наладится.

Мне хотелось в это верить.

Когда я вышла из спальни, возле парадной лестницы стояла Адела Рисс.

Она разговаривала с управляющим, держа в руках сложенный лист. Светлые волосы были собраны высоко, а облегающее зеленое платье подчеркивало тонкую талию. Адела всегда умела одеваться так, чтобы мужчины оборачивались вслед.

Я знала ее около года.

Дочь влиятельного торговца, чей дом предоставлял Речной стае займы, она часто приезжала с отцом обсуждать поставки и расчеты. Гален говорил, что ее присутствие помогает поддерживать хорошие отношения с кредиторами.

Я относилась к ней вежливо.

До сегодняшнего утра.

Адела повернулась, услышав мои шаги, и я увидела у нее на шее серебряную подвеску.

Три темно-синих камня.

На нижнем краю оправы была маленькая царапина, оставленная мастером при первой починке. Я сама показывала ее Галену, смеясь, что украшение теперь невозможно перепутать с другим.

Я остановилась.

Адела заметила мой взгляд и невольно коснулась подвески пальцами.

— Доброе утро, Мира.

— Откуда у тебя это украшение?

Управляющий, почувствовав неладное, поспешил откланяться.

Мы остались вдвоем.

Адела опустила руку.

— Подарок.

— От кого?

Она посмотрела в сторону кабинета мужа.

Мне не требовался ответ, но я все равно ждала.

— Гален подарил? — спросила я.

— Он сказал, что ты давно не носишь эту вещь.

Я не сразу нашла слова.

— Потому что он забрал ее в починку.

Адела поджала губы.

— Мне очень жаль, если произошло недоразумение.

— Недоразумение?

Она отвела взгляд.

Я приблизилась на шаг.

— Скажи, он сам предложил тебе ее или ты выбрала?

— Мира, не стоит устраивать сцену.

— Я задала простой вопрос.

— Он подарил мне украшение. Я не знала, что оно настолько для тебя важно.

Последние слова прозвучали уже раздраженно.

Важность подвески не имела никакого отношения к тому, что происходило.

Мой муж забрал мою вещь под предлогом починки и отдал другой женщине.

Возможно, я могла бы объяснить это его рассеянностью, если бы передо мной не стояла Адела. Молодая, красивая, слишком часто остававшаяся с Галеном наедине в последние месяцы.

Я вспомнила их разговоры за закрытыми дверями. Вспомнила, как он дважды отменял наш ужин из-за срочных дел с домом Рисс.

Сколько раз я сама предлагала ему не беспокоиться обо мне?

— Давно? — спросила я.

Адела молчала.

— Я спрашиваю, давно ли вы вместе.

— Об этом лучше поговорить с твоим мужем.

— Значит, вместе.

Она вздохнула.

— Сегодня важный день. Не думаю, что выяснение отношений сейчас поможет кому-нибудь.

Мне захотелось ударить ее.

Желание было коротким и таким непривычным, что я испугалась собственной мысли.

Я никогда никого не била. Даже в детстве, когда мальчишки дразнили меня за привычку проводить больше времени у переправы, чем с девочками моего возраста.

— Сними, — сказала я.

Адела выпрямилась.

— Что?

— Подвеску. Она моя.

Адела нахмурилась.

— Это подарок, Мира. И я не собираюсь снимать его посреди коридора.

— Тогда хотя бы не называй происходящее недоразумением.

Она хотела что-то ответить, но за нашими спинами открылась дверь.

— Что здесь происходит?

Гален стоял на пороге кабинета.

Он уже сменил домашнюю одежду на темный камзол с серебряной застежкой. Волосы были аккуратно зачесаны назад. Только усталость под глазами выдавала бессонные ночи.

Я повернулась к нему.

— Ты подарил Аделе мою подвеску?

Муж посмотрел на украшение.

Не удивился. Не спросил, о чем я говорю.

— Сейчас неподходящее время.

— Мне нужен ответ.

— Да, подарил.

Сказал так спокойно, будто речь шла о старой вазе, которая давно надоела хозяйке.

Я почувствовала, как пальцы похолодели.

— Ты обещал отдать ее мастеру.

— Мира, я куплю тебе другую. Если для тебя это так важно.

— Дело не в новой подвеске.

— Тогда в чем?

Я не верила, что он не понимает.

Я посмотрела на Аделу. Та стояла рядом с лестницей и больше не казалась смущенной.

— Вы спите вместе?

В коридоре стало тихо.

Гален перевел взгляд на женщину, потом на меня.

— Мы поговорим позже.

— Это правда?

— Я не намерен обсуждать свою личную жизнь перед прислугой.

Он произнес это с таким раздражением, что я невольно оглянулась.

Прислуги рядом не было.

— Твою личную жизнь? — переспросила я.

— Мира, довольно.

Он подошел ближе и тихо добавил:

— Через час здесь будут люди, которые решают судьбу нашей стаи. Я не позволю тебе сорвать переговоры из-за ревности.

Я хотела возразить, но он уже повернулся к Аделе.

— Твой отец прислал подтверждение?

— Да. Поверенный привез документы.

— Хорошо. Идем.

Они ушли вместе.

Я осталась у лестницы.

Снизу донесся шум. Ворота открывали для очередного отряда.

Мне следовало подняться в спальню. Снять это проклятое платье, собрать вещи и потребовать объяснений.

Вместо этого я прошла к окну.

На дворе северные солдаты спешивались возле конюшни. Их было меньше, чем я ожидала. Около двадцати человек, все в темной дорожной одежде, без парадных украшений и знамен.

Несколько наших стражников стояли в стороне.

Никто не улыбался.

Я посмотрела на кольцо.

Семь лет назад Гален надел его мне на палец перед алтарем, пообещав, что я больше никогда не останусь одна.

Тогда я поверила каждому слову.

Теперь мне было стыдно за эту веру.

Но спустя час я узнала, что подвеска была самой незначительной вещью, которую муж решил мне больше не возвращать.

Большой зал Речного замка никогда не казался мне таким чужим.

За столом переговоров сидели Гален, двое старших нашей стаи, поверенный дома Рисс и незнакомый пожилой мужчина с печатью межстайной палаты.

Северян представляли трое.

Двое были одеты в темные куртки с дорожными перевязями, а третий сидел напротив моего мужа.

Радан Керн.

Черный альфа.

Я узнала его сразу.

Раньше видела только портрет, привезенный одним из купцов. Художник изобразил Радана с горящими глазами, звериным оскалом и огромным мечом в руке. Гален велел повесить эту работу в караульной, чтобы молодые воины помнили, с кем им предстоит сражаться.

Настоящий Радан не был похож на чудовище с портрета.

Высокий, широкоплечий мужчина с короткими темными волосами. Светлые глаза, прямой нос, жестко очерченный рот. На шее, чуть выше воротника, виднелся старый шрам.

На вид ему было около тридцати пяти или немного больше.

Красивый. Но красота эта не располагала к доверию.

Радан сидел спокойно, положив руки на стол, и внимательно слушал писца.

Я знала о нем достаточно, чтобы бояться.

Гален рассказывал, что Черный альфа уничтожает вражеские поселения, не щадит пленных и никогда не прощает предательства. Его волк был огромным, черным, почти неуязвимым для обычного оружия.

В последний месяц я слышала эти истории особенно часто.

Когда я вошла, Радан поднял глаза.

Наши взгляды встретились.

Он посмотрел на меня внимательно, без улыбки, затем перевел взгляд на Галена.

— Ваша супруга?

— Да. Мира Вейр.

Муж указал на свободное кресло у стены.

— Садись, дорогая.

Это слово прозвучало так буднично, что я едва не рассмеялась.

Дорогая.

После разговора у лестницы.

Я села, расправив юбку.

Рядом стоял небольшой стол с водой. На нем лежали чистые листы для записей. Я обратила внимание, что никто не приготовил для меня копию соглашения.

Раньше Гален иногда позволял мне присутствовать на хозяйственных переговорах. Я следила за суммами, сравнивала обязательства и замечала ошибки, которые мужчины, увлеченные спором, пропускали.

Сегодня он даже не предложил подойти ближе.

Пожилой представитель палаты продолжил чтение.

Речь шла о возвращении земель, восстановлении разрушенного моста и обмене пленными. Речная стая обязывалась вывести людей с двух спорных участков. Северяне соглашались не требовать дополнительных территорий при условии соблюдения границы.

Я слушала внимательно.

Условия были тяжелыми, но не безнадежными.

Стая сохраняла основные поселения, мельницы и торговую дорогу.

Если грамотно распределить оставшееся зерно, провести ремонт моста до холодов и договориться с соседями о поставках, мы могли пережить зиму.

Я уже прикидывала, какие расходы сократить в первую очередь.

Затем вспомнила, что муж запретил вмешиваться.

Когда писец закончил, в зале некоторое время обсуждали сроки освобождения пленных.

Радан говорил мало.

Он не повышал голоса и не стучал кулаком по столу. Несколько раз уточнил конкретные даты, один раз заставил переписать формулировку о перевозке раненых.

Гален раздражался гораздо заметнее.

Наконец стороны поставили подписи под основным соглашением.

Я с облегчением выдохнула.

Война закончилась.

Пусть мир был невыгодным, но люди больше не должны были умирать за несколько деревень и старую заставу.

Я уже собиралась подняться, когда поверенный дома Рисс достал из кожаной папки еще один документ.

Гален посмотрел на меня.

— Мира, останься.

Я снова села.

Представитель палаты подвинул к себе новый лист.

— Дополнительное соглашение о военном выкупе, — произнес он. — Стороны подтверждают добровольность заключения договора?

— Подтверждаю, — ответил Гален.

Радан кивнул.

Я нахмурилась.

Военный выкуп?

Обычно так называли передачу ценностей, имущества или заложников, чье положение определялось старыми межстайными законами.

О подобных договорах я читала в отцовских книгах. После крупных поражений побежденный правитель мог передать победителю взрослого члена собственной семьи. В древности это называли гарантией мира.

В последние десятилетия подобным правом почти не пользовались.

Блиzkих взрослых родственников у Галена не было. Я решила, что он собирается предложить кого-то из дальней родни в обеспечение соглашения.

Писец начал читать.

— Сторона первая, Гален Вейр, глава Речной стаи, действуя в соответствии с правом военного выкупа...

Я перестала слушать на несколько мгновений, потому что взгляд Радана снова остановился на мне.

Не на Галене.

Не на бумагах.

На мне.

— ...передает стороне второй, Радану Керну, главе Чернокаменной стаи, супругу Миру Вейр, урожденную Соль...

Я сначала подумала, что ослышалась.

Писец продолжал ровным голосом:

— ...для временного удержания под ответственность принимающей стороны на условиях настоящего соглашения...

— Подождите.

Никто не отреагировал.

— Подождите! — повторила я громче.

Писец замолчал.

Гален медленно повернул голову.

— Мира.

— Почему там мое имя?

Представитель палаты посмотрел на мужа.

Тот ответил раньше остальных:

— Потому что соглашение касается тебя.

Я встала.

— В каком смысле?

Он чуть поморщился.

— Сядь. Дай человеку дочитать.

— Ты передаешь меня северянам?

Муж не ответил.

Я посмотрела на Радана.

Он спокойно выдержал мой взгляд.

— Это правда? — спросила я.

— Да.

Одно слово.

Никаких объяснений.

Я ухватила за спинку кресла.

— Зачем?

— У вашего мужа есть обязательство, которое он намерен погасить, — сказал Радан.

Я перевела взгляд на поверенного дома Рисс.

Тот опустил глаза к бумагам.

— Какое обязательство?

Писец посмотрел на представителя палаты, дождался короткого кивка и продолжил:

— В качестве встречного исполнения сторона вторая обязуется погасить личное долговое обязательство Галена Вейра перед торговым домом Рисс в размере двенадцати тысяч серебряных крон с начисленными процентами...

Двенадцать тысяч.

Я знала цену этой суммы.

На такие деньги можно было восстановить обе пограничные мельницы, выкупить несколько десятков пленных и обеспечить зерном три небольших поселения до весны.

Гален задолжал их лично.

И решил расплатиться мной.

— Это шутка? — спросила я.

Муж прикрыл глаза.

— Мира, прошу тебя.

— Ты продаешь меня за долги?

— Не выражайся так.

— А как мне выразаться?

Я почувствовала, что голос становится громче, но уже не могла остановиться.

— Ты передаешь меня другому мужчине за двенадцать тысяч крон. Как это называется?

Гален резко поднялся.

— Я не обязан отчитываться перед тобой о каждой детали наших договоренностей.

— Я твоя жена!

— Именно поэтому ты должна понимать, сколько я сделал для тебя и для нашей семьи.

Мне захотелось услышать от него, что все это ошибка.

Он мог сказать, что бумаги составлены неправильно. Что речь идет о залоге, который никогда не будет исполнен. Что он не позволит чужим людям забрать меня.

Вместо этого он поправил манжет.

— Это временная мера, Мира.

— На какой срок?

Муж посмотрел на писца.

— Продолжайте.

— Нет! Я хочу знать, на какой срок меня отдают!

— Срок и порядок дальнейшего пребывания определяются договором и установленными межтайными процедурами, — сухо ответил представитель палаты.

— А моего согласия никто не спросит?

Старик замялся.

— По действующему праву военного выкупа воля передаваемого лица не является обязательным условием заключения договора.

Я смотрела на него, не веря, что он произнес это всерьез.

— Значит, меня можно продать?

— Закон предусматривает передачу под ответственность принимающей стороны. Речь не идет о праве причинять вам вред или принуждать к...

— Я спросила не об этом.

Старик замолчал.

Я обвела взглядом людей за столом.

Никто не смотрел мне в глаза.

Только Радан.

Он сидел неподвижно, и я не могла понять, что означает выражение его лица.

— Вы действительно собираетесь меня забрать? — спросила я.

— Да.

— Даже если я откажусь?

— Договор может быть исполнен без вашего согласия.

Он не пытался смягчить ответ.

От этого стало еще страшнее.

Я вспомнила портрет в караульной. Истории о сожженных поселениях. Страшные рассказы Галена о том, что северяне делают с женщинами, попавшими в плен.

— Вы понимаете, что я не вещь? — спросила я.

Радан некоторое время молчал.

— Понимаю.

— Тогда почему участвуете в этом?

— У меня есть причины принять предложение вашего мужа.

— Какие?

— Сейчас я их обсуждать не буду.

Я повернулась к Галену.

— Ты сам ему предложил?

Он не ответил.

— Гален!

— Довольно!

Удар его ладони по столу заставил писца вздрогнуть.

Муж быстро оглядел присутствующих и уже тише добавил:

— Мира, ты позоришь меня перед людьми.

Я рассмеялась.

Не от веселья.

Просто не смогла удержаться.

— Я позорю тебя?

В этот момент я увидела за приоткрытой дверью Аделу.

Она стояла в коридоре и наблюдала за происходящим.

На шее у нее поблескивала моя подвеска.

Все вдруг стало невероятно простым.

У Галена была другая женщина. Он задолжал огромные деньги ее семье. И теперь собирался избавиться от жены, не потеряв возможности устроить собственное будущее.

Я снова посмотрела на бумаги.

— Значит, деньги пойдут не на восстановление деревень?

Гален нахмурился.

— При чем здесь деревни?

— Ты говорил, что мир обходится нам слишком дорого. Я думала, северяне требуют выплаты для возвращения наших людей.

— У стаи много расходов.

— Но долг личный.

Муж промолчал.

Я повернулась к Радану.

— Скажите. Если мой муж сейчас откажется от этого соглашения, что будет с миром?

Вопрос явно не понравился Галену.

— Мира, не смей...

— Военная часть соглашения согласована отдельно, — ответил Радан. — Передача вас не является условием прекращения боевых действий.

В зале стало тихо.

Я медленно повернулась к мужу.

— Значит, ты не спасаешь стаю?

Он побледнел от злости.

— Ты понятия не имеешь, что значит управлять людьми.

— Значит, не спасаешь.

Я ждала.

Он не ответил.

И этого оказалось достаточно.

Представитель палаты осторожно прокашлялся.

— Нам необходимо завершить процедуру.

— Я возражаю, — сказала я.

Старик посмотрел на меня с плохо скрываемой жалостью.

— Госпожа Вейр...

— Запишите, что я возражаю.

Он замешкался.

И неожиданно Радан произнес:

— Запишите.

Писец поднял голову.

— Господин?

— Ее возражение. Дословно.

Гален раздраженно выдохнул.

— Это ничего не меняет.

— Тогда вам нечего опасаться лишней строки, — ответил Радан.

Писец сделал запись.

Я не почувствовала благодарности.

Мою жизнь все равно собирались отдать человеку, который сидел напротив и называл происходящее договором.

Когда мужчина с печатью закончил читать, я услышала еще одну строку.

— С момента исполнения соглашения прежние супружеские права и обязательства сторон прекращаются...

— Что? — спросила я.

Гален смотрел в сторону.

Я медленно повторила:

— Прекращаются?

— Это предусмотрено законом, — объяснил представитель палаты. — Передача супруги по такому соглашению прекращает брак и исключает последующие притязания прежнего супруга.

Ноги подкосились, и я оперлась на стол.

Гален продавал меня и одновременно разводился.

Без разговора.

Без предупреждения.

Утром он велел мне надеть свадебное кольцо, а теперь подписывал бумагу, которая делала его ненужным.

— Ты мог хотя бы сказать заранее, — произнесла я.

Он сжал губы.

— Тогда бы ты весь день плакала и мешала делу.

Ответ прозвучал почти буднично.

Я вдруг вспомнила, как три года назад заболела тяжелой лихорадкой. Гален двое суток не отходил от моей постели. Держал за руку, когда я бредила, и сам приносил воду.

После выздоровления он подарил мне маленькую серебряную шкатулку и сказал, что испугался потерять меня.

Я годами хранила память об этом как доказательство нашей любви.

Теперь не понимала, каким был человек, который сидел передо мной.

Писец пододвинул договор.

Гален взял перо.

— Не надо, — сказала я.

Его рука остановилась.

На мгновение мне показалось, что он все-таки передумает.

Я сделала шаг к нему.

— Гален, пожалуйста.

Он посмотрел на меня.

В его глазах не было сомнения.

Только раздражение и усталость.

— Мне необходимо закончить это дело.

И поставил подпись.

Я наблюдала, как он выводит свое имя. Знакомые буквы, которые видела на сотнях распоряжений. В последние семь лет моя собственная подпись часто стояла рядом.

Теперь места для нее не предусмотрели.

Радан подписал документ следом.

Поверенный дома Рисс подтвердил порядок погашения долга.

Представитель палаты поставил печать.

Процедура закончилась.

Двенадцать тысяч серебряных крон.

Столько стоила женщина, которая семь лет называла Галена своим мужем.

Я попыталась снять кольцо. Оно не поддавалось. Пришлось потянуть сильнее, и кожа на пальце покраснела.

Положила его перед Галеном.

Он посмотрел на украшение.

— Не устраивай представление.

— Забери.

— Мира...

— Забери, — повторила я.

Он не протянул руку.

Я оставила кольцо на столе.

Радан поднялся.

Рядом с ним я почувствовала себя невысокой, хотя никогда не считала себя маленькой. Он был значительно выше Галена и двигался без суеты, как человек, которому привыкли уступать дорогу.

— Госпожа Вейр, — сказал он. — У вас будет час, чтобы собрать необходимые вещи.

— А если я никуда не пойду?

— Тогда мои люди проводят вас.

— Силой?

— Если понадобится.

Я посмотрела на его широкие руки.

Он не носил перчаток. На костяшках пальцев виднелись старые шрамы.

Спорить с ним здесь, перед людьми, которые уже подписали мою передачу, было бессмысленно.

Но я все равно спросила:

— Вы ведь даже не знаете меня. Зачем я вам?

Радан посмотрел на моего мужа.

— Об этом мы поговорим позже.

Его ответ не успокоил.

Совсем наоборот.

Гален нашел меня в маленькой гостиной рядом с кабинетом.

Я сидела у окна и смотрела на внутренний двор.

За стеклом готовили дорожную карету. Северные солдаты проверяли упряжь и укладывали дорожные мешки.

Мне отвели час.

Ровно час, чтобы закончить семь лет жизни.

Дверь открылась без стука.

— Вот ты где.

Я не повернулась.

Муж подошел к столу и налил себе воды.

— Не стоило устраивать сцену.

Я молчала.

— Если бы ты спокойно выслушала объяснения, все прошло бы гораздо проще.

— Для кого?

— Мира.

— Для тебя? Для Аделы?

Он поставил стакан.

— Опять ты об этом.

Я наконец посмотрела на него.

Гален выглядел усталым, но совсем не виноватым. Казалось, он пришел обсудить не продажу жены, а неприятную ошибку в отчетах.

— Сколько времени вы вместе? — спросила я.

— Это сейчас не имеет значения.

— Для меня имеет.

Он помолчал.

— Несколько месяцев.

— До зимы?

— Да.

Я закрыла глаза.

Зимой он подарил мне платье, которое я сейчас носила. Отменил нашу поездку к теплым источникам, сославшись на государственные дела.

Я сама предложила ему остаться дома и отдохнуть.

— Ты привозил ее в наш замок.

— Ее отец ведет наши финансовые дела.

— И ты решил, что это подходящее объяснение?

— Я ничего не собираюсь объяснять.

Я открыла глаза.

— Ты уже все объяснил.

Он нахмурился.

— Ты всегда была разумной женщиной. Не заставляй меня менять мнение.

Я посмотрела на собственные руки.

Они дрожали. Не сильно, но достаточно, чтобы я спрятала пальцы в складках юбки.

— Ты говорил, что любишь меня.

Гален отвел взгляд.

— Мы хорошо жили.

— Я спросила не об этом.

— И я не понимаю, зачем сейчас возвращаться к старым разговорам.

— Потому что сегодня ты продал меня человеку, которого сам называл чудовищем!

Муж подошел к окну.

Во дворе один из северян проверял колесо кареты.

— Радан Керн опасен, — сказал Гален. — Но он связан условиями договора. У тебя будет защита, питание, отдельное помещение.

Я развернулась к нему.

— Откуда ты знаешь, где меня будут держать?

— Это оговорено.

— Значит, вы обсуждали даже мою комнату?

Он промолчал.

— А мои вещи? — спросила я. — Ты тоже обсуждал? Сколько платьев мне разрешат взять? Можно ли забрать книги? Или книги слишком дороги и ты решил оставить их следующей жене?

— Прекрати.

— Ответь!

Гален резко развернулся.

— Ты хочешь знать, почему я это сделал? Потому что после поражения у меня не осталось хороших решений. Дом Рисс требует деньги. Казна пуста. Северяне не согласятся забыть о случившемся только потому, что ты расплачешься.

— Но мир уже заключен. Радан сам это сказал.

— Он ничего не знает о моих внутренних обязательствах.

— Тогда зачем ты продал меня ему?

На этот раз муж ответил не сразу.

Он прошел к столу, поправил лежавшую на нем скатерть и только потом сказал:

— Ты подходишь под условия старого права. Он согласился принять тебя. Вопрос решен.

— Почему именно меня?

— Потому что ты моя жена.

— Была.

Гален остановился.

Кажется, до этой минуты он не вполне осознал последствия собственного договора.

— Не нужно цепляться к словам.

Я медленно поднялась.

— Ты больше не мой муж. Это написано в бумаге, которую ты подписал.

— Юридическая формальность.

— Для тебя.

Он раздраженно провел рукой по волосам.

Я увидела шрам на его ладони.

У основания большого пальца тянулась неровная светлая полоска.

Семь лет назад, после нападения на Соляную переправу, Гален вернулся с перевязанной рукой. Сказал, что поранился, вытаскивая меня из горящего здания.

Я тогда ничего не помнила о спасении.

Только обрывки: темная вода, дым, чей-то крик.

Потом сильная боль в голове.

И собственная спальня.

Отец погиб в ту ночь. Гален говорил, что северяне убили его у ворот, а меня спасли в последний момент.

Я доверяла мужу. Он был рядом, когда меня мучили кошмары, привозил лекарей, терпел мои вопросы.

Ивар, наш семейный лекарь, объяснил, что память может так и не вернуться. По его словам, попытки восстановить события могли вызвать опасный приступ.

С тех пор я ежедневно принимала настой.

Гален всегда следил, чтобы я не забывала.

— Зачем Радан купил меня? — спросила я.

— Откуда мне знать?

— Ты заключал с ним сделку.

— Ему понадобилась заложница. Возможно, он хочет укрепить свое положение перед старшими стаи.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Я посмотрела на мужа внимательнее.

— Ты что-то скрываешь.

Он усмехнулся.

— Тебе сейчас свойственно подозревать всех подряд.

— Гален.

— Что?

— Посмотри на меня.

Он нехотя поднял глаза.

— Я была тебе хорошей женой?

На мгновение его лицо изменилось.

Я увидела знакомого человека. Того, который когда-то приносил мне горячее молоко по вечерам и ворчал, что я опять засиделась над хозяйственными книгами.

— Конечно, — сказал он.

— Тогда почему?

Гален отвел взгляд.

— Иногда приходится жертвовать личным ради необходимого.

Я покачала головой.

— Ты не пожертвовал своим.

Он сжал челюсти.

— Не начинай.

— Ты пожертвовал мной.

Муж ничего не сказал.

Я направилась к двери, но он перехватил меня за локоть.

Не сильно. Просто удержал.

Раньше такого прикосновения хватало, чтобы я остановилась и выслушала его.

Сегодня мне захотелось вырваться.

— Послушай, — произнес он тихо. — В крепости Радана тебе лучше вести себя спокойно. Отвечай на вопросы коротко. Не рассказывай того, в чем не уверена.

Я посмотрела на его руку.

— Убери.

Он отпустил.

— Я хочу помочь тебе.

— Ты уже помог.

— Мира, я серьезно. Особенно если он начнет спрашивать о прошлом.

Я замерла.

— О каком прошлом?

Гален медленно выдохнул.

— О том нападении.

— На переправу?

— Да.

— Зачем ему это?

— Его брат тогда погиб. Возможно, Керн ищет кого-нибудь, на ком сможет сорвать злость.

Я испугалась.

О брате Черного альфы я слышала. Его звали Орен. По словам Галена, он участвовал в нападении на нашу переправу и погиб во время боя.

Радан так и не признал вину северян, хотя последствия той ночи стали причиной многолетней вражды.

— Но я ничего не помню, — сказала я.

— Вот именно.

Муж произнес это с неожиданным облегчением.

— Ты ничего не помнишь, и лучше не пытайся. Если начнешь выдумывать подробности, только навредишь себе.

Я медленно отступила.

— Почему ты решил, что он будет спрашивать меня об этом?

— Я же сказал. Его брат.

— Тогда зачем ему я? В ту ночь на переправе было много людей.

— Большинство погибли.

— Остались другие свидетели. Стражники. Работники. Ивар.

Гален помрачнел.

— У Ивара есть собственные обязанности.

— Но он лечил меня после нападения. Возможно, ему известны подробности.

— Прекрати искать причины для беспокойства.

— Я хочу понять, что происходит!

Муж шагнул ко мне.

— Именно поэтому я не собирался говорить тебе заранее. Ты начинаешь задавать вопросы, на которые никто не может ответить, а потом доводишь себя до приступов.

Я отшатнулась.

Он сразу заметил это и остановился.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Гален заговорил уже спокойнее:

— Послушай, Мира. Ты прожила здесь семь лет. Никогда ни в чем не нуждалась. У тебя были хорошие комнаты, платья, украшения. Я дал тебе положение, о котором дочь смотрителя переправы могла только мечтать.

Каждое слово я слышала отчетливо.

— А теперь от тебя понадобилась одна услуга, и ты ведешь себя так, будто я всю жизнь обращался с тобой плохо.

Мне стало трудно дышать.

Не от страха.

От того, насколько искренне он произнес эти слова.

Гален действительно считал, что я должна быть благодарна за возможность жить с ним.

За то, что он женился на дочери смотрителя.

За подарки.

За семь лет, в течение которых я вела его хозяйство, считала расходы и каждый вечер ждала возвращения.

Я вспомнила, как собственноручно составляла списки еды для раненых после последнего боя.

Как сидела до рассвета над ведомостями, чтобы найти деньги на лекарства.

Как продавала часть материнских украшений, когда в прошлом году случился неурожай.

Я делала это не ради благодарности.

Мы были семьей.

По крайней мере, я так думала.

— Одну услугу, — повторила я.

— Не передергивай.

— Ты продал меня.

Он отвернулся.

— С тобой невозможно разговаривать.

Я посмотрела на его спину и неожиданно поняла, что больше не хочу объяснять ему, почему это ужасно.

Человек, который действительно хотел бы понять, спросил бы сам.

— Я заберу свои вещи, — сказала я.

— Бери необходимое. Остальное останется здесь.

— Книги отца тоже?

— Если они тебе так дороги, забирай.

— И документы о наследстве?

Гален резко повернулся.

— Зачем они тебе?

— Потому что они мои.

Он нахмурился.

— Ты не собираешься устраивать имущественные разборательства сейчас?

— Я собираюсь взять то, что принадлежит мне.

Некоторое время он смотрел на меня.

Потом махнул рукой.

— Делай что хочешь. Только не опаздывай. Я не намерен снова объясняться перед северянами.

Когда я уже выходила, муж окликнул:

— Мира.

Я остановилась.

— Что?

Он помолчал.

— Постарайся не злить Керна. Он не такой терпеливый, как я.

Я посмотрела на него в последний раз.

И закрыла дверь.

На сборы ушло меньше получаса.

Слуги старались не смотреть мне в глаза.

Новости в замке распространялись быстро, но никто не решался заговорить первым.

Я взяла два дорожных платья, теплую накидку, белье и удобные сапоги. Сложила в небольшую сумку расческу, несколько личных писем и старую записную книжку отца.

Она была переплетена в потрескавшуюся коричневую кожу.

Последние записи обрывались за несколько дней до нападения на переправу. Обычные хозяйственные заметки: сколько досок пошло на ремонт настила, какие повозки прошли за неделю, кто задолжал за перевозку зерна.

Когда-то я хотела продолжить его дело.

Отец говорил, что хорошему зрителю нужны не крепкие руки, а внимательные глаза и умение считать.

Гален после свадьбы считал эту работу неподходящей для жены альфы.

Я закрыла книжку и положила ее под одежду.

Рядом поставила маленький флакон с лекарственным настоем. Утреннюю дозу я уже приняла. Вечером нужно было выпить следующую.

Ивар предупреждал, что пропускать лечение опасно.

Я всегда выполняла его назначения.

У дверей спальни стояла пожилая горничная.

Она работала у нас еще до моей свадьбы.

— Госпожа, — прошептала она, — может, мне попросить управляющего поговорить с господином?

Я покачала головой.

— Не надо, Марта.

— Но как же так...

У женщины задрожали губы.

Я сама едва держалась.

Марта помогала мне, когда я впервые приехала в этот замок. Утешала после кошмаров, рассказывала, какие блюда любит муж, и учила разбираться в обычаях стаи.

Теперь она смотрела на меня так, словно я уже умерла.

— Позаботься о себе, — сказала я.

Она неожиданно обняла меня.

Я крепко прижалась к ней.

Несколько секунд мы стояли молча.

Потом во дворе протрубили короткий сигнал.

Северяне были готовы.

Я отпустила Марту, взяла сумку и спустилась вниз.

У кареты стояли четверо солдат.

Один из них, коренастый мужчина лет сорока с коротко остриженными волосами, проверял крепление дорожного сундука.

Увидев меня, он выпрямился.

— Госпожа Вейр?

Я кивнула.

— Брен Коль. Начальник охраны Черной крепости. Ваш багаж?

Я показала на сумку.

Он посмотрел на нее с заметным удивлением.

— Это все?

— Да.

— Можете передать.

Я крепче сжала ремень.

— Я понесу сама.

Брен немного помолчал, затем отступил.

— Как пожелаете.

У Брена был заметный северный выговор. Слова звучали жестче, чем у людей Речной стаи, но вполне понятно.

За его спиной появились Радан и Гален.

Муж что-то объяснял Черному альфе, однако тот слушал без особого интереса.

Когда они подошли ближе, я заметила, что Гален выглядит почти довольным.

Его личный долг будет погашен.

Адела ждала возле бокового входа.

Моя подвеска все еще висела у нее на шее.

Она не подошла попрощаться.

— Мира, — сказал Гален. — Надеюсь, ты все-таки прислушаешься к моим словам.

Я не ответила.

Он протянул руку, намереваясь помочь мне сесть в карету.

Я обошла его.

Ступенька оказалась высокой, а платье мешало поднять ногу. На мгновение я почувствовала себя нелепо, но все-таки справилась сама.

Села на жесткую скамью.

Изнутри карета выглядела гораздо скромнее нашей дорожной. Темная обивка, два фонаря, плотные занавески на окнах. На противоположном сиденье лежали одеяло и дорожная сумка с едой.

Радан остановился у открытой дверцы.

— Дорога займет несколько часов. Если вам станет плохо, скажите охране.
Я посмотрела на него.
— Вам нужно, чтобы я добралась живой?
— Да.
— Для чего?
— Поговорим в крепости.
Я крепко сжала сумку.
— Вы можете хотя бы сказать, что собираетесь со мной делать?
Радан помолчал.
— Поселю отдельно. Вы получите еду, воду и необходимую помощь.
— А потом?
— Будем разговаривать.
— Только разговаривать?
Он понял, о чем я спрашивала.
В его лице что-то изменилось, но ответил он спокойно:
— Договор не дает мне права требовать от вас близости.
Я опустила глаза.
Почему-то именно эти слова оказались особенно неприятными.
Мне впервые в жизни пришлось спрашивать незнакомого мужчину, собирается ли он пользоваться мной против моей воли.
— Но запереть вы меня можете? — уточнила я.
— Пока да.
Значит, плен оставался пленом.
Радан закрыл дверцу.
Через несколько минут карета тронулась.
Я приподняла занавеску.
Гален стоял у ворот.
Он не махал рукой. Просто смотрел вслед, сцепив пальцы за спиной.
Рядом с ним появилась Адела.
Она что-то сказала, и он наклонился к ней.
На этом замок скрылся за поворотом.
Я отпустила занавеску.
Слезы появились неожиданно.
Сначала я пыталась их сдерживать, потом перестала.
Мне было не жаль потерянного положения.
Не жаль дорогих платьев.
Даже дом, в котором я прожила семь лет, казался сейчас чужим.
Я плакала по человеку, которого любила.
По нашим вечерам у камина. По тому, как Гален однажды принес мне с ярмарки теплые варежки, потому что я жаловалась на холод. По поездке к озеру, где он долго смеялся над моими попытками поймать рыбу.
Тогда он был другим.
Или я не замечала того, что следовало замечать?
Не знаю.
Но особенно больно было от мысли, что я никогда не узнаю, в какой день он окончательно перестал считать меня своей женой.
Возможно, это произошло гораздо раньше сегодняшнего утра.

К полудню мы оставили за спиной последние земли Речной стаи.

Карета несколько раз останавливалась. Солдаты проверяли колеса, поили лошадей, меняли порядок движения на узких участках дороги.

Я наблюдала из окна.

На границе стояли две старые сторожевые башни. Одну сильно повредило во время недавнего сражения. Вторая сохранилась, но рядом с ней больше не было наших знамен.

Северные стражники проверили документы и пропустили нас.

Никто не кричал и не издевался над побежденными.

Наверное, я слишком долго слушала Галена, если ожидала увидеть что-нибудь подобное.

После границы дорога стала уже. По обе стороны тянулся хвойный лес. Время от времени попадались небольшие селения. У домов сушилось белье, возле сараев бегали дети, на полях работали люди.

Обычная жизнь.

Не та страшная северная земля, о которой рассказывали в нашем замке.

На второй остановке Брен открыл дверцу.

— Есть будете?

Я покачала головой.

— Нет.

Он посмотрел на нетронутую дорожную сумку.

— До крепости еще далеко.

— Я не голодна.

— Как знаете.

Он уже собирался закрыть дверцу, когда я спросила:

— Вы давно служите Радану Керну?

Брен посмотрел на меня настороженно.

— Давно.

— И считаете его хорошим человеком?

Вопрос явно застал его врасплох.

— Я считаю его своим альфой.

— Это не одно и то же.

Он некоторое время молчал.

— Для меня достаточно.

Дверца закрылась.

Я снова осталась одна.

Через некоторое время открыла сумку с едой.

Внутри лежали хлеб, холодное мясо, сыр и два яблока. Все было аккуратно завернуто в ткань.

Я взяла небольшой кусок хлеба.

Голод никуда не исчез от того, что моя жизнь превратилась в кошмар.

Я ела медленно, стараясь не думать о будущем.

Но мысли постоянно возвращались к договору.

Радан согласился заплатить огромные деньги за женщину, которую никогда не видел.

Не ради брака.

Не ради выкупа другого пленника.

Он хотел разговаривать.

О чем?

Я вспомнила слова Галена про Соляную переправу.

Его предупреждение не пытаться восстановить прошлое.

Муж никогда не любил, когда я спрашивала о той ночи, но раньше объяснял это заботой о моем здоровье.

Сегодня он выглядел испуганным.
Не тогда, когда я узнала об Аделе.
И даже не тогда, когда обвинила его в продаже.
Он испугался, когда я спросила о брате Радана.
Я отложила остаток хлеба.
В голове появилась тяжелая пульсация.
Так иногда бывало перед приступами, если я слишком долго не спала или переживала сильное волнение.
Я закрыла глаза.
На мгновение мне почудился звук воды.
Громкий, непрерывный.
Потом скрип дерева.
Я открыла глаза.
Карета ехала по лесной дороге. За окном не было реки.
Только деревья.
Я потеряла виски.
Не нужно было думать о переправе.
Ивар много раз предупреждал меня.
Но сегодня я впервые задумалась, почему эти предупреждения всегда совпадали с желаниями Галена.
На следующей остановке я сама попросила воды.
Радан стоял возле лошадей, разговаривая с Бреном. Услышав мой голос, повернулся.
Начальник охраны принес флягу, а Радан подошел к карете.
— Что-то случилось?
— Голова болит.
Он посмотрел на меня внимательнее.
— Сильно?
— Терпимо.
— С самого выезда?
— Иногда так бывает. Особенно когда я волнуюсь.
Радан задержал взгляд на моем лице.
— У вас есть лекарства?
— Да.
Я показала маленький флакон.
Он не попросил его отдать, но посмотрел с каким-то странным вниманием.
— Кто назначил?
— Наш семейный лекарь.
— Давно принимаете?
— Семь лет.
— Каждый день?
Я нахмурилась.
— А что?
Радан не ответил сразу.
— В крепости вас осмотрит моя лекарь. Расскажите ей об этих приступах.
— Я не просила нового врача.
— И не обязаны сейчас соглашаться на лечение. Но консультация вам не повредит.
Я посмотрела на флакон.
— Вы всем своим пленникам предлагаете личного лекаря?
Радан встретил мой взгляд.

— Тем, кому он необходим.

— А вы уже решили, что мне необходимо?

— Я вижу, что вам плохо.

Мне захотелось сказать что-нибудь резкое.

Вместо этого я отвернулась.

Он постоял еще несколько секунд и ушел к лошадям.

Я убрала лекарство в сумку.

На этот раз не стала принимать дополнительную дозу, хотя обычно именно так поступала, когда начиналась головная боль.

Не потому, что поверила Радану.

Просто впервые за много лет мне захотелось самой решить, что делать.

Черная крепость появилась перед нами ближе к вечеру.

Я увидела ее задолго до того, как карета подъехала к воротам.

Высокие стены поднимались над каменным склоном. За ними виднелись две башни и крыши нескольких внутренних строений. На дозорных площадках горели огни.

Крепость выглядела сурово, но не заброшенно.

Дорога была выложена ровным камнем, мост через глубокий овраг содержался в порядке.

Возле наружной стены стояли телеги с досками, а у нижних ворот работали плотники.

Я машинально отметила, что здесь не откладывают ремонт до первого обвала.

Карета въехала во двор.

Брен открыл дверцу.

— Приехали.

Я выбралась наружу.

После долгой дороги ноги плохо слушались. Холодный ветер ударил в лицо.

Во дворе былолюдно. Стражники принимали лошадей, из хозяйственного корпуса несли корзины с хлебом, возле лестницы разговаривали две женщины.

Несколько человек остановились, увидев меня.

Я слышала обрывки разговоров.

— Это она?

— Из Речной стаи?

— Та самая?

Мне захотелось вернуться в карету.

Радан заметил взгляды и коротко распорядился:

— Займитесь своими делами.

Люди разошлись.

Он подошел ко мне.

— Вас проводят в комнату. Ужин принесут туда.

— А потом?

— Я приду.

Я молча последовала за женщиной средних лет, которая ждала возле лестницы.

Она назвалась хозяйственной смотрительницей и предложила помочь с сумкой.

Я отказалась.

Мы поднялись на третий этаж.

Внутри крепость выглядела совсем не так, как я представляла. Коридоры были хорошо освещены, стены чистые, под ногами лежали плотные дорожки. В нишах стояли сундуки с бельем, у некоторых дверей висели таблички с именами.

Обычный жилой дом, только очень большой и защищенный.

Смотрительница открыла одну из дверей.

— Здесь вам будет удобно.

Комната действительно оказалась просторной.

Широкая кровать, письменный стол, кресло у камина, шкаф для одежды. За ширмой стояла деревянная купальная бадья. На столике приготовили чистую воду и полотенца.

Окно выходило на внутренний двор.

Я подошла к нему.

Высоко.

Даже если бы мне удалось выбраться наружу, спуститься по гладкой каменной стене без помощи было невозможно.

— Можно попросить горячей воды? — спросила я.

— Конечно, госпожа.

Женщина явно старалась быть любезной.

— И ужин принесут через полчаса. Если понадобится что-нибудь еще, позовите.

— Я могу выйти из комнаты?

Она замаялась.

— Пока нет.

Я повернулась.

— Совсем?

— Так распорядился альфа.

— А если мне захочется пройтись?

— Я передам вашу просьбу.

Я кивнула.

Женщина вышла.

Через несколько секунд за дверью щелкнул замок.

Я подошла и нажала на ручку.

Заперто.

Никакая хорошая мебель не меняла этого.

Мне дали красивую комнату.

И закрыли в ней.

Я долго стояла у двери, прислушиваясь к шагам за стеной.

Охранник находился совсем рядом. Иногда он переступал с ноги на ногу, один раз тихо покашлял.

Потом послышались голоса, и шаги удалились.

Я вернулась к кровати.

Села.

За один день я потеряла мужа, дом, положение и право выходить из комнаты без разрешения.

Мне хотелось рассердиться.

Разбить что-нибудь.

Потребовать, чтобы меня немедленно отвезли назад.

Но возвращаться было некуда.

В Речном замке меня больше не ждали.

Я сняла жемчуг, положила его на стол и расстегнула верхние пуговицы платья.

На пальце осталась бледная полоска от обручального кольца.

Я смотрела на нее довольно долго.

Потом достала отцовскую книжку.

Перелистнула несколько страниц.

Отец писал крупно, с наклоном вправо. На полях часто рисовал маленькие значки, которыми отмечал неисправные механизмы или опасные участки дороги.

На одной из последних страниц он записал расходы на починку восточного настила.
Я вспомнила, как спорила с ним из-за количества дубовых досок.
Мне было двадцать два.
Я только вышла замуж.
Отец смеялся и говорил, что Галену досталась слишком упрямая жена.
Я вдруг разрыдалась.
Не тихо, как в карете.
С трудом переводя дыхание, прижав книжку к груди.
Семь лет я старалась не думать об отце слишком часто. После его гибели воспоминания причиняли такую боль, что я предпочитала вспоминать только хорошее.
Теперь поняла, как много вопросов оставила без ответов.
Почему я не помнила его смерти?
Почему Гален никогда не разрешал мне возвращаться к старой переправе?
Почему Ивар запрещал даже читать подробные отчеты о том нападении?
Возможно, для всего существовали разумные объяснения.
Но впервые мне захотелось услышать их не от мужа.
Через некоторое время принесли горячую воду и ужин.
Я умылась, переоделась в дорожное платье и попыталась поесть.
Суп оказался вкусным, мясо мягким, хлеб свежим.
Я съела немного и отставила тарелку.
За окном окончательно стемнело.
Внизу зажигали фонари, переговаривались стражники, лаяли собаки.
Где-то далеко раздался протяжный волчий вой.
Я подошла к окну.
Значит, оборотни действительно свободно обращались возле крепости.
В Речной стае волчий облик использовали преимущественно для охоты и охраны границ.
Гален редко обращался при мне. Говорил, что не хочет пугать.
Я знала, как выглядит его зверь: большой серый волк с темной полосой вдоль спины.
Черного волка Радана я никогда не видела.
И надеялась, что не увижу сегодня.
В дверь постучали.
Я вздрогнула.
— Кто?
— Радан Керн.
Я посмотрела на закрытую дверь.
— У меня есть возможность отказаться от разговора?
Последовала короткая пауза.
— Сегодня нам нужно обсудить несколько вопросов.
— Значит, нет.
Он не ответил.
Я отошла к столу.
— Входите.
Замок щелкнул.
Радан появился на пороге один.
Без оружия, если не считать короткого ножа на поясе. Он снял дорожный плащ, оставшись в темной рубашке с расстегнутым воротом. Я заметила продолжение старого шрама у ключицы.
Вблизи он выглядел еще крупнее.
Мне стало неприятно от собственной реакции.

Я боялась его.

Но одновременно замечала широкие плечи, сильные руки, спокойную уверенность в движениях.

Я отвернулась к камину.

Радан остановился возле двери.

— Вам принесли все необходимое?

— Да.

— Ужин?

— Тоже.

Он посмотрел на почти нетронутую еду.

— Не понравился?

— Я не голодна.

— Хорошо.

Несколько секунд мы молчали.

Я ждала, что он подойдет ближе или начнет отдавать распоряжения.

Он не сделал ни того ни другого.

— Почему дверь заперта? — спросила я.

— Из соображений безопасности.

— Моей?

— В том числе.

Я посмотрела на него.

— Я должна поблагодарить вас за заботу?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Это разозлило еще сильнее.

— Тогда зачем вы пришли?

Радан подошел к креслу у камина, но не сел.

— Я хочу задать несколько вопросов.

— Обо мне?

— О Соляной переправе.

Я почувствовала, как внутри все похолодело.

Гален предупреждал.

И теперь я поняла, что не ошиблась, заметив его страх.

— Почему вас интересует переправа?

— Семь лет назад там погиб мой брат.

— Я знаю.

— Что именно вы знаете?

Я отвернулась к огню.

— Что северяне напали на переправу. Был пожар. Погибли люди. Мой отец тоже погиб.

— Кто вам рассказал о нападении?

— Все знали.

— Я спрашиваю, откуда подробности известны вам.

Мне не понравился его тон.

Он говорил ровно, но в каждом вопросе слышалось требование конкретного ответа.

— Муж, — сказала я.

— Гален Вейр?

— У меня не было другого мужа.

Радан промолчал.

Я сцепила пальцы.

— Он рассказал, когда я поправилась.

— После чего?

— После пожара.

— Вы были ранены?

— Не знаю.

Радан слегка нахмурился.

— Как это?

— Мне было плохо. Очень сильно болела голова. Ивар говорил, что причиной стала травма.

— Ивар?

— Семейный лекарь.

Радан наконец сел в кресло у камина, оставив между нами достаточно места.

— Какие события той ночи вы помните?

Я посмотрела на него.

— Зачем вам это?

— Потому что я хочу знать, что случилось с братом.

— Он погиб во время нападения.

— Это я знаю.

— Тогда чего вы от меня хотите?

Радан некоторое время смотрел на меня.

— Вы видели его?

Я почувствовала знакомую боль в висках.

— Не знаю.

— Вы были на переправе в ту ночь?

— Да. Я часто бывала там. Отец работал смотрителем.

— Я спрашиваю про конкретную ночь.

— Я не помню!

Последние слова прозвучали громче, чем я собиралась.

Радан не повысил голоса.

— Что именно вы помните?

Я провела ладонью по лбу.

— Отрывки. Дым. Воду. Возможно, чей-то крик. Потом ничего.

— Совсем ничего?

— Я очнулась в спальне. Гален сказал, что спас меня.

— А ваш отец?

Я опустила глаза.

— Погиб.

— Вы видели, как он погиб?

— Нет.

— Его тело?

— Нет. Меня не пустили на похороны. Лекарь запретил вставать с постели.

Радан медленно выдохнул.

Я подняла на него глаза.

— Вы мне не верите?

— Я пытаюсь понять.

— Тогда можете начинать с того, что мне и без вас пришлось пережить достаточно.

Он посмотрел на мои руки.

Я только сейчас заметила, что вцепилась пальцами в край стола.

Пришлось заставить себя отпустить.

— Я не собирался причинять вам боль вопросами, — сказал Радан.

— Но причинили.

— Вижу.

Я не ожидала такого ответа.

Несколько секунд он молчал.

Потом спросил:

— Как давно вы принимаете лекарство от приступов?

— С той ночи.

— Его всегда готовил Ивар?

— Да.

— Ваш муж следил за приемом?

Я почувствовала раздражение.

— Гален заботился о моем здоровье.

Произнеся это, я вдруг вспомнила сегодняшний договор.

И как он велел мне не пытаться вспоминать прошлое.

Я медленно закрыла рот.

Радан заметил перемену.

— Мира.

Я вскинула голову.

Он впервые назвал меня по имени.

— Что?

— Ваш муж говорил, что вы пытались восстановить память?

— Он считал это опасным.

— Почему?

— Так сказал лекарь.

— Вы сами хотели узнать, что случилось?

Я посмотрела на огонь.

Когда-то хотела.

Очень сильно.

Потом перестала.

Каждый раз, когда я задавала вопросы, Гален напоминал о боли, приступах и риске тяжелых последствий. Ивар подтверждал его слова.

Со временем мне стало проще соглашаться.

Я убедила себя, что прошлое нельзя изменить.

И что муж знает, как будет лучше.

— Да, — ответила я наконец. — Хотела.

Радан наклонился вперед.

— А сейчас?

Я подняла глаза.

Передо мной сидел мужчина, который купил меня за долги мужа и запер в чужой крепости.

Я не знала, можно ли верить хотя бы одному его слову.

Но он задавал вопросы, на которые мне самой вдруг захотелось получить ответы.

— Сейчас я хочу знать, зачем Гален отдал меня именно вам.

Радан не отвел взгляда.

— Потому что я попросил передать вас.

Я замерла.

— Что?

— Я предложил ему сделку. Он назвал цену и согласился.

Значит, все было еще хуже. Не просто муж решил избавиться от меня — Черный альфа сам пришел за мной.

— Почему? — прошептала я.

Радан поднялся.

На его лице не было торжества.

Он выглядел человеком, который долго искал ответ и теперь не собирался останавливаться.

— Твой муж сказал, что ты ничего не помнишь. Я хочу знать, почему он так в этом уверен.

Глава 2. Лекарство от правды

— Откуда вы знаете, что говорил мой муж?

Радан Керн стоял у камина, не сводя с меня глаз.

— Он сообщил об этом перед подписанием договора.

— Сам?

— Да.

Я попыталась представить тот разговор.

Гален сидел напротив человека, которого годами называл убийцей, и спокойно рассказывал о моей болезни. Возможно, объяснял, что я плохо сплю, страдаю головными болями и иногда путаюсь в воспоминаниях.

Наверное, убеждал Радана, что от меня не будет никакой пользы.

— Что еще он вам сказал?

— Что после нападения вы потеряли память о нескольких часах.

— Это правда.

— И что восстанавливать ее опасно.

Я кивнула.

— Лекарь предупреждал.

— Ваш муж показал мне медицинские записи. Не все. Только ту часть, которую счел необходимой.

— И вы ему поверили?

— Я проверил то, что мог.

Радан подошел к столу, возле которого я стояла. Не вплотную. Между нами оставалось достаточно места, чтобы я не чувствовала себя загнанной в угол.

— В захваченном архиве пограничной заставы сохранились старые ведомости, — продолжил он. — В одной из них указано, что в ночь пожара вы находились на Соляной переправе. А в официальном отчете вашего мужа написано, что вы покинули ее накануне.

Я нахмурилась.

— Значит, в отчете ошибка.

— Возможно.

— Я уже сказала, что была там. Отец работал смотрителем. Я часто оставалась помогать ему.

— Поэтому я и хочу узнать, почему ваше присутствие скрыли.

— Может быть, Гален просто перепутал даты.

— Он подписал отчет через четыре дня после гибели моего брата.

Я отвела взгляд.

Муж действительно мог ошибиться. После нападения ему пришлось заниматься ранеными, разрушениями, похоронами. Я помнила, каким измученным он выглядел, когда впервые смог спокойно поговорить со мной.

Но зачем указывать, что меня не было на переправе?

Я не могла придумать объяснения.

— Покажите отчет, — попросила я.

Радан помолчал.

— Завтра принесу копию.

Я посмотрела на него с удивлением.

Почему-то ожидала отказа.

— И все остальные документы, которые касаются меня.

— Я не обещаю показать весь архив до проверки сведений.

— Почему?

— Потому что часть людей, упомянутых в нем, еще жива. Мне нужно убедиться, что им ничего не угрожает.

— Вы думаете, я могу кому-нибудь навредить?

Он не ответил сразу.

— Пока я не знаю, какое отношение вы имели к произошедшему.

Мне стало неприятно.

— То есть вы купили меня, потому что подозреваете в преступлении?

— Я купил возможность поговорить с человеком, которого ваш муж тщательно прятал от вопросов.

— Мы с вами на «ты» не переходили.

Радан слегка приподнял брови.

Я вспомнила, как несколько минут назад он назвал меня по имени, а потом без разрешения обратился на «ты».

Возможно, здесь все так разговаривали с пленницами.

— Хорошо, — ответил он. — Буду обращаться к вам так, как вы предпочитаете.

Никакого раздражения.

Я не знала, что делать с подобной реакцией.

— Тогда еще один вопрос. Почему вы считаете, что Гален меня прятал?

— Вы ни разу не давали показаний о нападении. Вас не вызывали в межстайную палату. После трагедии вы больше не приезжали на переправу.

— Я болела!

— Семь лет?

Я хотела возмутиться.

Но он задал вопрос, который когда-то возникал и у меня самой.

Первые месяцы после пожара я почти не выходила из дома. Потом начала заниматься хозяйством, принимала гостей, ездила на ярмарки и сопровождала Галена в поездках.

Мы бывали в городах дальше Соляной переправы.

Однако стоило мне предложить посетить могилу отца или проверить состояние старых строений, как муж находил причину отказать.

Сначала говорил, что я недостаточно здорова.

Позже утверждал, что переправа опасна из-за северян.

Последние годы просто раздражался.

— Я не обязана объяснять вам решения моего мужа, — сказала я.

— Не обязаны.

Радан посмотрел на нетронутую часть ужина.

— На сегодня достаточно. Завтра к вам придет Дея Восс, лекарь крепости. Она осмотрит вас, если вы согласитесь.

— А если откажусь?

— Тогда осмотра не будет.

— И вы продолжите держать меня взаперти?

— Пока да.

— Удобно.

— Я понимаю, что для вас это не похоже на заботу.

— Не похоже?

Я обвела рукой комнату.

— Вы приобрели меня за двенадцать тысяч крон, привезли сюда и заперли дверь. А теперь говорите, что заботитесь о моем здоровье.

— Я не прошу вас благодарить меня.

— Тогда чего вы хотите?
— Чтобы вы остались живы и смогли рассказать, что помните.
Я почувствовала неприятный холод.
— Вы думаете, мне кто-то угрожает?
Радан посмотрел на меня.
— Пока не знаю.
От его ответа стало только хуже.
Он направился к двери.
— Если ночью понадобится помощь, позовите стражника. Он передаст смотрительнице.
— А утром меня опять запрут?
— Утром обсудим, где вы сможете ходить.
Он вышел.
Замок щелкнул почти сразу.
Я осталась посреди комнаты и некоторое время смотрела на закрытую дверь.
Черный альфа не кричал, не угрожал и даже обещал показать документы.
Но ничего из этого не меняло того, что он распоряжался моей свободой.
Я подошла к столу и взяла флакон с лекарством.
В прозрачном стекле виднелся темный настой. На вкус он был горьким, с неприятным травяным послевкусием. Ивар всегда советовал запивать его теплой водой.
Семь лет.
Каждый день.
Я открутила крышку.
Потом закрыла обратно.
До следующего приема оставалось несколько часов. А головная боль, начавшаяся в дороге, почти прошла.
Я положила флакон на стол.
Впервые мне пришло в голову, что я не знаю, из чего приготовлено лекарство, которое принимаю уже семь лет.
И почему-то эта мысль испугала сильнее запертой двери.
Утром меня разбудил стук.
Я открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где нахожусь.
Незнакомый потолок.
Высокие окна.
Чужая кровать.
Потом вспомнила.
Гален продал меня.
Я лежала неподвижно, ожидая, когда это снова начнет казаться дурным сном. Но из коридора донесся голос смотрительницы:
— Госпожа Вейр, можно войти?
— Да.
Она открыла дверь и внесла поднос.
— Доброе утро. Я принесла завтрак.
— Спасибо.
На подносе стояли чашка с горячим молоком, каша, хлеб и вареное яйцо.
Женщина поставила его на стол.
— Горячую воду для умывания принесут через десять минут. Если пожелаете, после завтрака можно пройтись.
Я подняла голову.
— Где?

— По жилой галерее. Альфа разрешил.

— До ворот?

Она смутилась.

— Пока только внутри крепости.

Я откинула одеяло.

— Покажите мне, куда разрешено ходить.

Смотрительница посмотрела на поднос.

— Может, сначала поедите?

— После.

Она вздохнула, но спорить не стала.

Я быстро умылась, надела простое темно-зеленое платье и убрала волосы в косу.

Вчерашнее парадное платье висело в шкафу.

Мне захотелось выбросить его в окно.

Я решила сделать это позже, когда получу возможность открыть окно достаточно широко.

В коридоре дежурил молодой стражник.

Он выпрямился, увидев нас.

— Госпожа.

Я кивнула.

Мы прошли по длинной галерее, затем свернули к широкой лестнице. Смотрительница объясняла, где находятся купальни, хозяйственные помещения и малая библиотека.

Я слушала внимательно.

На повороте заметила еще одну лестницу.

Она вела вниз, к небольшому залу с двумя дверями.

— А там что?

— Выход во внутренний двор.

Я направилась к ступеням.

Стражник немедленно двинулся за мной.

Я остановилась.

— Мне разрешили гулять.

— По жилой галерее, госпожа.

— Я хочу посмотреть двор.

— Сегодня нельзя.

— Почему?

Он смутился.

— Такой приказ.

Я посмотрела на смотрительницу.

Та развела руками.

— Простите. Я могу попросить разрешение.

— У кого? У Радана?

— У альфы или начальника охраны.

Я спустилась на одну ступеньку.

Стражник не двинулся, но его рука легла на перила, перекрыв проход.

Я остановилась.

— А если я все-таки пойду?

Молодой человек покраснел.

— Мне придется вас остановить.

— Как?

— Госпожа, пожалуйста.

Он выглядел так несчастно, что я внезапно почувствовала усталость.

Я не собиралась заставлять его хватать меня за руки.

Но мне хотелось понять, где заканчивается вежливость и начинается настоящий запрет.

Теперь я знала.

— Хорошо, — сказала я. — Можете убрать руку.

Он сразу отступил.

Мы продолжили прогулку.

Через несколько минут я оказалась у широкой галереи, выходявшей окнами во внутренний двор.

Внизу работали плотники.

Один из них стоял на лестнице и поправлял деревянный навес над дверью склада. Двое других разгружали доски.

Возле конюшен спорили мужчины с мешками зерна.

Один показывал на весы, второй размахивал накладной.

Я невольно задержалась.

— У вас здесь собственные склады? — спросила я смотрительницу.

— Конечно.

— А зерно с южных полей привозят или закупают?

Женщина посмотрела на меня с интересом.

— И так и так. В этом году закупали больше обычного.

— Из-за войны?

— Из-за плохого урожая. А война только добавила хлопот.

Я посмотрела на телеги.

В Речной стае после неурожая зерно распределяли почти вручную. Приходилось учитывать количество семей, расходы мельниц и корм для лошадей.

Здесь, судя по всему, использовали похожую систему.

— А кто ведет складские ведомости?

— Управляющий.

— Он сам проверяет вес или доверяет приемщикам?

Смотрительница улыбнулась.

— Похоже, вы привыкли заниматься хозяйством.

Я смутилась.

— Немного.

— Если хотите, попрошу принести вам бумагу. В библиотеке есть книги по устройству крепости.

— Бумагу было бы хорошо.

Она обещала позаботиться об этом.

Мы обошли галерею и вернулись к моей комнате.

Ничего необычного я не увидела.

Люди работали, ругались из-за поставок, торопились на кухню, спорили о ремонте.

Вчера я приехала сюда уверенная, что за стенами живут чудовища.

Сегодня увидела мужчин, которые неправильно разгрузили зерно, женщину с корзиной чистого белья и плотника, ругавшегося на тупой инструмент.

Мне стало стыдно за собственное удивление.

А потом я вспомнила, что не могу спуститься во двор без разрешения.

И стыд исчез.

После завтрака пришла лекарь.

Я ожидала увидеть пожилую женщину в тяжелой мантии, но Дея Восс оказалась совсем другой.

Невысокая, крепко сложенная, с короткими седыми волосами и внимательными карими глазами. Поверх простого темного платья на ней был светлый рабочий передник. На поясе висела небольшая сумка с инструментами.

Дея представилась и сразу спросила:

— Вы согласны на осмотр?

Я посмотрела на нее.

— Радан велел вам меня проверить?

— Он сообщил, что у вас бывают сильные головные боли и провалы в памяти.

— И потребовал выяснить причину?

— Попросил разобраться. Требовать он может у своих стражников. Лекарей я отучила слушаться приказов о том, как лечить пациентов.

Я удивленно посмотрела на нее.

Дея заметила мое удивление.

— Что?

— Вы так разговариваете с альфой?

— Когда он начинает вмешиваться в мою работу. Обычно ему хватает одного раза.

Она поставила сумку на стол.

— Так что? Будем разговаривать или мне вернуться позже?

Я подумала о флаконе.

— Будем.

Дея не стала сразу доставать инструменты.

Она села напротив и попросила рассказать о болезни с самого начала.

Я объяснила, что семь лет назад пережила нападение на Соляную переправу. После пожара очнулась в спальне, не помня нескольких часов. С тех пор иногда страдала от головных болей и принимала настой, который готовил семейный лекарь.

Дея слушала, не перебивая.

Потом задала несколько вопросов.

— Кто обнаружил, что у вас пропала память?

— Гален.

— А вы сами?

— Я спрашивала, что произошло. Не могла вспомнить пожар.

— Вы помнили день свадьбы?

— Конечно.

— А день перед нападением?

Я задумалась.

— Частично. Помню, как разбирала счета с отцом. Еще мы спорили из-за ремонта настила.

— Что было на следующий день?

— Не знаю. Гален говорил, что мы ездили к переправе вместе, но я этого не помню.

Дея записала что-то в маленькой книжке.

— После выздоровления вы забывали новые события?

— Нет.

— Людей? Дороги? Названия?

— Нет.

— Можете рассказать, что делали вчера утром?

Я посмотрела на нее.

— Меня продал собственный муж. Боюсь, я не забуду этого до конца жизни.

Дея подняла глаза.

На ее лице появилось короткое, совершенно не врачебное выражение.

— Понимаю, — ответила она.

Я отвернулась.

Не хотела видеть сочувствие.

— Продолжим, — сказала лекарь. — Я спрашиваю не потому, что считаю вас неспособной запоминать обычные вещи. Мне нужно понять, ограничен ли провал одним событием.

Она попросила меня запомнить пять слов, затем поговорила о другом и через некоторое время предложила их повторить.

Я повторила все.

Потом назвала месяцы в обратном порядке, рассказала, как добиралась сюда, и описала дорогу от Речного замка до пограничной заставы.

Дея снова сделала несколько записей.

— Значит, с обычной памятью трудностей почти нет, — сказала она.

— Я это и без проверки знала.

— Теперь знаю и я.

Она произнесла это без раздражения.

Затем проверила реакцию глаз на свет, попросила повернуть голову, осторожно прощупала затылок и виски.

— Следы старых повреждений есть?

— Насколько мне известно, нет.

— Гален говорил, что вас ударили во время пожара?

— Он говорил, что я упала и сильно ударилась головой.

— Вы видели медицинское заключение?

— Нет.

— А Ивар объяснял, что именно повредилось?

Я попыталась вспомнить.

— Говорил о последствиях травмы и сильного потрясения.

— Это довольно общие слова.

— Он хороший лекарь.

Дея отложила инструмент.

— Возможно. Я его не знаю и не собираюсь делать выводы раньше времени.

Она протянула руку.

— Покажите настой.

Я достала флакон.

Дея открыла его, понюхала, затем капнула немного жидкости на белую пластинку. Из сумки достала два маленьких пузырька.

— Что вы делаете? — спросила я.

— Проверяю, какие группы компонентов здесь могут присутствовать. Полный состав так не определить.

Она добавила несколько капель прозрачного раствора.

Жидкость на пластинке потемнела по краям.

Дея подождала, затем посмотрела на реакцию при свете окна.

— Интересно.

Мне не понравился ее тон.

— Что?

— Здесь точно есть успокаивающие травы. Они могут применяться при сильном нервном возбуждении и бессоннице. Но есть еще один компонент.

— Какой?

— Пока не уверена. Мне нужно провести дополнительные проверки.

— Он опасен?

— Зависит от дозировки, состояния человека и продолжительности приема.
Я посмотрела на флакон.
— Я принимаю его семь лет.
— Вы говорили.
Дея снова понюхала настой.
— И все семь лет в одинаковой дозе?
— Обычно да. Когда становилось хуже, Ивар разрешал принять немного больше.
Она подняла голову.
— Насколько больше?
Я объяснила.
Лекарь записала ответ.
— Без проверки состава я не советую превышать обычную дозу. И резко прекращать прием тоже пока не стоит.
— Почему?
— Если организм годами привыкал к определенному воздействию, резкая отмена может вызвать тяжелое ухудшение. Я не хочу подвергать вас риску.
Мне захотелось немедленно выбросить флакон.
— Значит, вы подозреваете, что лекарство мне вредит?
— Я подозреваю, что назначение требует проверки. Это разные вещи.
— А если я не захочу его пить?
Дея посмотрела на меня прямо.
— Я объясню последствия, которые считаю вероятными. Решать будете вы.
Впервые за день мне стало легче.
Не потому, что я получила хорошие новости.
Потому, что решение оставили за мной.
Дея попросила описать головную боль подробнее.
Когда она начинается?
Как долго длится?
Сопровождается ли тошнотой, нарушением зрения, потерей равновесия?
Я отвечала, стараясь ничего не пропускать.
Потом лекарь спросила:
— Что обычно происходило перед приступом?
— Иногда я просто уставала.
— А еще?
Я замялась.
— Когда думала о переправе. О смерти отца.
— Всегда?
— Не знаю. Я старалась об этом не думать.
— Почему?
— Ивар запрещал.
Дея положила перо.
— Запрещал вспоминать отца?
— Он говорил, что сильные переживания могут повредить здоровью.
— А обычные разговоры о нем?
Я молчала.
Дея не торопила.
Я вспомнила, как несколько лет назад попросила Галена отвезти меня на могилу отца.
Он отказал.
Сказал, что приступ может случиться прямо в дороге.

Ивар подтвердил его слова.

После этого я больше не просила.

— Я не помню, когда последний раз говорила о нем спокойно, — призналась я.

Лекарь некоторое время смотрела на меня.

Затем закрыла книжку.

— На сегодня достаточно. Завтра проверим еще несколько вещей.

Я напряглась.

— Вы что-то обнаружили?

— Есть признаки, которые мне не нравятся. Но я не стану пугать вас неподтвержденным диагнозом.

Она начала собирать инструменты.

Я остановила ее.

— Дея.

— Да?

— Все, что я вам рассказала, вы передадите Радану?

Она ответила не сразу.

— О состоянии вашего здоровья я сообщу то, что необходимо для безопасного лечения. Личные подробности без вашего разрешения передавать не буду, если от этого не зависит чья-то жизнь.

— Даже если он прикажет?

— Даже тогда.

— Вы действительно можете ему отказать?

Дея посмотрела на меня с удивлением.

— Разве хороший правитель нуждается в людях, которые всегда с ним согласны?

Я вспомнила Галена.

Он терпеть не мог возражений при посторонних.

— Не знаю, — ответила я.

Дея ничего не сказала.

Только аккуратно поставила флакон на стол.

— Отдохните. И если снова заболит голова, не терпите молча. Позовите меня.

Когда она ушла, я долго сидела возле окна.

Передо мной стоял обычный лекарственный флакон.

Маленький, прозрачный, с темной жидкостью внутри.

Я смотрела на него и пыталась понять, почему за семь лет ни разу не спросила Ивара, что именно принимаю.

Наверное, потому, что доверяла.

Мне казалось естественным верить человеку, который лечил меня после трагедии.

Так же естественно, как верить мужу.

Теперь я не знала, на чем держалось это доверие.

После обеда смотрительница принесла бумагу, перо и чернила.

Я попросила поставить их на письменный стол.

Потом открыла отцовскую записную книжку.

Первые несколько страниц содержали расчеты за старый деревянный настил. Я узнала названия поставщиков, которым отец платил за доски и железные скобы.

Некоторые записи были сделаны моей рукой.

Когда я была моложе, отец часто поручал мне вести счет.

Я могла часами проверять цифры, не замечая времени. Отец шутил, что мне легче подружиться с книгой расходов, чем с соседскими девушками.

Я вспомнила его смех.

И вдруг поняла, что помню совершенно отчетливо.
Тембр голоса.
Привычку стучать пальцами по столу, когда он считал в уме.
Даже запах табака, которым пахла его теплая куртка.
Воспоминания не причиняли боли.
По крайней мере, сейчас.
Я взяла чистый лист.
Разделила его на две части.
Слева написала: «Помню сама», справа — «Знаю со слов».
Сначала я хотела записать только события ночи нападения.
Но быстро обнаружила, что почти все сведения относятся ко второй части.
Гален спас меня из пожара.
Со слов мужа.
Отец погиб от рук северян.
Со слов мужа.
Я сильно ударилась головой.
Со слов Ивара.
Черный альфа отказался признать нападение своей стаи.
Со слов Галена.
В левой части оставалось совсем немного.
Холодная вода.
Дым.
Чей-то крик.
А еще боль, от которой хотелось спрятаться под одеяло и не открывать глаза.
Я долго смотрела на записи.
За семь лет чужие рассказы незаметно превратились для меня в собственное прошлое.
И только сейчас я увидела, насколько мало в действительности знаю.
Вечером пришел Брен Коль.
Он остановился на пороге, не входя.
— Госпожа Вейр, альфа спрашивает, сможете ли вы поговорить с ним после ужина.
Я подняла голову от стола.
— О чем?
— Не уточнил.
— Передайте, что сегодня я больше не хочу обсуждать переправу.
Брен нахмурился.
— Он просил...
— Вы сказали, что спрашивает.
Начальник охраны посмотрел на меня с неожиданным интересом.
— Хорошо. Передам.
Он собирался уйти, когда я окликнула:
— Брен.
— Да?
— Почему вы смотрите на меня так, словно я совершила что-то ужасное?
Его лицо стало неподвижным.
— Я выполняю свою работу.
— Это не ответ.
Он помолчал.
— Семь лет назад на Соляной переправе погибли наши люди.
— И мои тоже.

— Знаю.

— Тогда почему вы решили, что я виновата?

— Я не говорил, что решил.

— Но подозреваете.

Брен посмотрел на лежащие передо мной листы.

Потом снова на меня.

— Мой брат служил с Ореном Керном. Вернулся оттуда раненым. Он до сих пор плохо ходит. Мне трудно забыть, чем закончились те переговоры.

У меня сжалось в груди.

— Моего отца похоронили без меня, — сказала я. — Я даже не смогла попрощаться.

Брен отвел взгляд.

— Сожалею.

Я не знала, верить ли ему.

Он тоже, кажется, не знал, что сказать.

Наконец произнес:

— Передам альфе, что сегодня вы не готовы разговаривать.

И ушел.

Я осталась одна.

Мне было неприятно, что здесь видели во мне возможного врага.

Но еще неприятнее оказалось понимание, что у северян тоже были погибшие и раненые.

Гален всегда рассказывал о войне так, словно страдали исключительно наши люди.

Я никогда не спрашивала, сколько семей потеряли северяне.

Ночью я долго не могла заснуть.

В какой-то момент мне показалось, что за окном снова слышится волчий вой.

Я поднялась, подошла к стеклу и увидела во дворе несколько темных фигур.

Солдаты возвращались с вечернего обхода.

Один нес на плече небольшой сверток. Другой помогал раненому товарищу подняться по лестнице.

Обычные люди.

Я стояла у окна, пока они не скрылись.

Потом вернулась к кровати.

Флакон все еще стоял на столе.

Я приняла привычную вечернюю дозу, как советовала Дея, и легла.

Перед сном снова подумала о словах Радана.

Почему Гален был так уверен, что я ничего не помню?

На следующее утро Дея пришла раньше завтрака.

Она принесла небольшую коробку с инструментами и предложила пройти в лекарское помещение.

— Там удобнее работать, — объяснила она. — Но если не хотите выходить, можем остаться здесь.

Я посмотрела на дверь.

— Хочу.

После двух дней в комнате и коридорах мне была приятна сама возможность куда-то идти.

Стражник сопровождал нас до лестницы.

Лекарское помещение находилось в соседнем крыле. Просторная комната с несколькими столами, полками и большими окнами.

В воздухе пахло сухими травами и чистым бельем.

На дальнем столе стояла металлическая стойка с тонкой серебряной проволокой и стеклянной пластинкой.

Дея заметила мой взгляд.

— Не бойтесь. Ничего опасного делать не будем.

— А что это?

— Прибор для проверки следов воздействия на память. Он не показывает воспоминаний. Только помогает определить, есть ли препятствие, которое мешает к ним обращаться.

Я остановилась.

— Значит, вы подозреваете, что кто-то специально повлиял на мою память?

Дея помолчала.

— Я подозреваю, что ее состояние не совсем похоже на обычные последствия травмы.

— Почему вы не сказали вчера?

— Потому что вчера у меня было мало сведений.

Она указала на стул.

— Сядьте, пожалуйста. И прежде чем начнем, я объясню проверку.

Дея не торопилась.

Сначала показала прибор.

Стеклянная пластинка лежала на деревянном основании, к которому крепилась тонкая серебряная проволока. Внутри небольшого сосуда находился прозрачный раствор.

— Вам нужно будет вспомнить несколько обычных событий, — сказала она. — Затем я попрошу подумать о том времени, которое вы не помните. Прибор реагирует на сопротивление магического воздействия, если оно есть.

— Вы увидите мои воспоминания?

— Нет. И никто другой через этот прибор их не увидит.

Я кивнула.

Дея попросила меня положить ладонь на пластинку.

Стекло оказалось прохладным.

Сначала она предложила вспомнить наш вчерашний разговор.

Я описала ее одежду, инструменты и флакон.

Раствор в сосуде оставался прозрачным.

Потом она спросила о свадьбе.

Я вспомнила летний день, белые цветы возле алтаря, теплую руку Галена.

Прибор не изменился.

— А теперь, — сказала Дея, — подумайте о вечере перед нападением.

Я попыталась.

Вспомнила отцовский стол, бумаги, деревянную линейку.

И больше ничего.

Когда я попробовала представить следующий день, в голове появилась знакомая тяжесть.

Раствор в сосуде медленно помутнел.

Я невольно отдернула руку.

Дея сразу убрала прибор.

— Все. Больше не нужно.

— Что это значит?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Есть признаки ограничения доступа к определенным воспоминаниям.

— Ограничения?

— Представьте дверь, которую вы привыкли открывать. Однажды на ней появился замок. Вы помните, что за дверью должна быть комната, но не можете попасть внутрь.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Кто поставил этот замок?

— Пока не знаю.

— Но это возможно?

— Да.

Я посмотрела на прибор.

— Ивар говорил, что я потеряла память после удара.

— Травма могла быть. Но она не объясняет всего, что я вижу.

— Вы хотите сказать, что лекарь меня обманывал?

Дея не стала отвечать сразу.

— Я хочу сказать, что нам нужен полный состав настоя и медицинские записи. Тогда мы сможем сделать более уверенные выводы.

Я обхватила себя руками.

— А если это сделал Гален?

Слова вырвались прежде, чем я успела подумать.

Дея посмотрела на меня спокойно.

— Почему вы так решили?

Я вспомнила, как муж запрещал возвращаться к переправе.

Как всегда напоминал о лекарстве.

Как испугался, когда я начала спрашивать о прошлом.

— Не знаю, — прошептала я. — Просто...

Я не закончила.

Слишком страшной была сама мысль.

Если Гален знал больше, чем говорил, значит, семь лет я прожила рядом с человеком, который позволял мне страдать из-за неизвестности.

Если он сам приказал что-то сделать с моей памятью...

Я не смогла додумать.

Дея пододвинула ко мне стакан воды.

— Выпейте.

Я послушалась.

В этот момент дверь открылась.

На пороге появился Радан.

Он остановился, увидев меня.

— Как прошло?

Дея закрыла коробку.

— Проверка закончена.

— Результат?

— Мне нужно еще время.

Радан нахмурился.

— Вы обнаружили воздействие?

Я замерла.

Дея посмотрела на него.

— Я обнаружила признаки, которые требуют подтверждения.

— Сколько понадобится времени?

— Несколько дней для оценки лекарства. Дальше будет зависеть от состояния пациентки.

— Если это магический шов, его можно снять?

Я подняла голову.

— Какой шов?

Радан посмотрел на Дею.

Та ответила раньше:

— О подобных техниках мы поговорим после того, как подтвердим диагноз. И обязательно с Мирой.

Черный альфа сжал челюсти.

— Мне нужно знать, что произошло на переправе.

— А мне нужно, чтобы пациентка после лечения могла нормально жить, — ответила Дея. В комнате повисла тишина.

Я смотрела то на нее, то на Радана.

Он явно не привык, чтобы ему возражали таким тоном.

— Вы понимаете, насколько это важно? — спросил он.

— Понимаю. Но если попытаетесь ускорить восстановление памяти силой, можете получить тяжелое повреждение вместо показаний.

— Есть способ уменьшить риск?

— Есть. Не торопить меня.

Радан посмотрел на лекаря.

Несколько долгих секунд никто не произносил ни слова.

Потом он медленно кивнул.

— Хорошо.

Дея сложила инструменты.

— И еще. Пока мы не выясним состав настоя, никаких самостоятельных попыток заставить ее вспоминать. Ни дополнительных вопросов, ни предметов из прошлого без моего присутствия.

— Я понял.

Она посмотрела на меня.

— Мира, хотите вернуться в комнату?

Я кивнула.

Поднимаясь, я почувствовала легкое головокружение.

Радан сделал движение в мою сторону, но остановился, когда Дея протянула мне руку.

Я оперлась на лекаря.

По пути к двери услышала, как Черный альфа тихо сказал:

— Я не собирался ей вредить.

Дея ответила так же тихо:

— Тогда не заставляйте меня выбирать между вашей нетерпеливостью и ее здоровьем.

Я вышла в коридор.

Стражник ждал у лестницы.

Он проводил меня наверх.

Только вернувшись в комнату, я поняла, насколько странным был разговор, свидетелем которого я стала.

В Речном замке никто не позволял себе так спорить с Галеном.

Даже Ивар, которого муж ценил, обычно соглашался с его решениями.

А здесь лекарь спокойно отказала самому Черному альфе.

И он подчинился.

Я села у письменного стола.

Вспомнила, как позавчера Радан велел записать мое возражение в договор.

Это ничего не изменило.

Но, возможно, он действительно слышал слова, которые ему говорили.

Я тут же рассердилась на себя.

Не стоило искать достоинства в человеке только потому, что он не оказался таким чудовищем, каким его описывали.

Радан все еще держал меня взаперти.

И я по-прежнему не знала, что он собирается сделать, когда получит ответы.
После обеда ко мне принесли обещанную копию старой ведомости.
Записи были переписаны аккуратным почерком архивариуса. Внизу стояла отметка о сверке с подлинником, который хранился у северян.
Я долго изучала записи.
Список людей, допущенных к служебному двору Соляной переправы.
Отец.
Несколько работников.
Двое стражников.
Мое имя.
Время выдачи ключа от внутреннего прохода было указано незадолго до нападения.
Я нахмурилась.
Ключи от служебных ворот действительно хранились у отца. Иногда он давал их мне, если требовалось принять позднюю повозку.
Но я не помнила, чтобы брала их в тот вечер.
Я прочитала запись еще раз.
Сомнений в имени не было.
Мира Соль.
Так меня называли до замужества.
Я тогда еще иногда подписывала хозяйственные документы девичьей фамилией, потому что отец не успел переделать все старые разрешения.
Значит, запись могла быть настоящей.
Я перевернула лист.
На обратной стороне находилась короткая пометка архивариуса:
«В официальном донесении главы Речной стаи присутствие Миры Вейр на переправе не подтверждено».
Я долго смотрела на эти слова.
Если Гален ошибся, он ошибся в очень важной подробности.
Я взяла свой лист с двумя колонками и добавила новую строку.
«В ночь нападения мне выдавали ключ от служебного прохода».
Потом перечеркнула слова.
Не мне.
Мире Соль.
Той девушке, которой я была семь лет назад.
Но это все равно была я.
Под конец третьего дня мне разрешили проводить больше времени в жилой галерее.
Во двор выпускать по-прежнему отказывались.
Я попросила Брена объяснить причину.
Он встретил меня возле библиотеки.
— Таков приказ альфы.
— Я это уже слышала.
— Тогда зачем спрашиваете?
— Потому что хочу понять, чего он опасается. Я не оборотень. Не умею перепрыгивать стены и превращаться в волка. Если попытаюсь уйти, меня догонят прежде, чем я доберусь до ворот.
Брен посмотрел на меня серьезнее.
— Не всякая опасность связана с побегом.
— Какая еще?
Он помолчал.

— Сейчас вы находитесь под нашей охраной. Не все в крепости знают, зачем вас привезли.

— И вы боитесь, что кто-нибудь решит меня убить?

— Я боюсь того, что не успею предотвратить.

Я хотела ответить, но он продолжил:

— Люди потеряли родственников на переправе. Некоторые считают, что Речная стая должна заплатить за это больше, чем предусмотрено миром.

— Я не отвечаю за решения Галена.

— Возможно. Но не все будут разбираться.

Я посмотрела в сторону окон.

На улице было светло. Где-то во дворе смеялись мужчины.

Мне хотелось выйти, почувствовать ветер, пройти хотя бы до конюшни.

Но Брен явно не собирался менять свое решение.

— Если мне понадобится воздух, я должна просить разрешения у альфы?

— Пока да.

— Вы понимаете, что это унижительно?

Он опустил взгляд.

— Понимаю, госпожа.

Я не ожидала такого ответа.

— Тогда почему вы говорите об этом так спокойно?

— Потому что от моих слов приказ не изменится.

Я развернулась и пошла к библиотеке.

На этот раз стражник не попытался сопровождать меня внутрь.

Небольшая комната оказалась почти пустой. Несколько полок с книгами, стол и два кресла. Возле окна стоял деревянный сундук с картами.

Я подошла к нему.

На крышке была закреплена табличка: «Дорожные схемы и хозяйственные планы».

Я невольно улыбнулась.

Вот уж чего не ожидала найти в библиотеке Черного альфы.

Открыла сундук.

Сверху лежала большая карта северных дорог. Под ней несколько старых планов мостов и переправ.

Я развернула один.

Устройство каменных опор было нарисовано довольно подробно.

Соляной переправы среди этих бумаг не оказалось.

Я просмотрела еще несколько листов, затем аккуратно сложила все обратно.

На следующей неделе, если Радан действительно позволит мне работать с документами, нужно будет попросить старые схемы.

В отличие от обрывков памяти, устройство переправы я знала хорошо.

Отец учил меня с детства.

Вечером я вернулась в комнату и снова взялась за записи.

Составила список вопросов, которые хотела задать Дее.

Можно ли доказать, что память подавляли намеренно?

Может ли воздействие сохраняться семь лет?

Сколько времени потребуется для безопасной отмены настоя?

И самое страшное:

Что произойдет, если память вернется не полностью?

Я сидела над последним вопросом долго.

Впервые подумала, что, возможно, никогда не узнаю всей правды.

Не потому, что кто-то запретит.

А потому, что человеческая память не обязана хранить каждую минуту жизни.

Мне стало горько.

Я закрыла записную книжку.

Потом снова открыла и добавила еще одну строку:

«Если я вспомню что-то неприятное, это не означает, что я обязана сразу рассказывать об этом Радану».

Мне понадобилось время, чтобы решиться записать такое.

Но это была моя память.

И я хотела хотя бы в этом сохранить право на собственное решение.

На четвертый день Дея принесла более определенные новости.

Она пришла после завтрака, попросила открыть окно и села напротив меня.

— Я проверила настой, — сказала она.

Я отложила книгу.

— И?

— В нем есть состав, который используют при работе с тяжелыми воспоминаниями. Сам по себе он не стирает память. Но может поддерживать уже наложенное ограничение.

Я почувствовала, как сердце забилося быстрее.

— Значит, на меня наложили заклинание?

— Похоже на одну из техник, которую называют немим швом.

Название я никогда не слышала.

— Что это?

Дея объясняла спокойно, без страшных слов.

Магическое воздействие перекрывало доступ к определенному эпизоду. Человек продолжал помнить события до и после него, узнавал людей, сохранял привычные знания и навыки.

Но при попытке восстановить закрытые воспоминания возникало сильное сопротивление.

Иногда боль.

Иногда приступы страха.

Поддерживающий настой ослаблял естественные попытки памяти обратиться к закрытому событию.

— Поэтому я не могла вспомнить переправу? — спросила я.

— Возможно. Но нам еще нужно убедиться, что воздействие действительно было наложено именно тогда. И понять, насколько глубоко оно закрепилось.

— Кто способен это сделать?

— Опытный лекарь, владеющий соответствующей техникой.

— Ивар?

— Если он ее изучал, то мог.

Я закрыла глаза.

Передо мной возникло лицо семейного лекаря.

Седые волосы.

Аккуратная борода.

Тихий голос.

Он всегда приносил лекарство сам, проверял пульс и просил не волноваться.

Я считала его добрым человеком.

— Можно снять этот шов? — спросила я.

— Иногда можно. Но постепенно.

— Сколько это займет?

— Не знаю. Сначала нужно уменьшить поддерживающее воздействие. Затем оценить, как ваша память реагирует без него.

— А если просто перестать пить настой?

Дея покачала головой.

— Я бы не советовала. Резкое прекращение после стольких лет может вызвать сильную головную боль, нарушения сна и другие осложнения. А если шов удерживается не только лекарством, пользы от этого может не быть.

Я посмотрела на флакон.

— Получается, я все эти годы принимала средство, которое мешало мне вспомнить прошлое.

— Да. Это наиболее вероятное объяснение того, что мы обнаружили.

Мне стало холодно.

Дея заметила это и придвинула ко мне чашку теплой воды.

— Мира, я не могу пока сказать, зачем вам назначили этот состав. Иногда подобные воздействия используют после тяжелых потрясений. Но пациент должен понимать, что с ним делают, и давать согласие.

Я рассмеялась.

Невесело.

— Мне никто ничего не объяснял.

— Вы уверены?

Я посмотрела на нее.

— Вы думаете, я могла согласиться и забыть?

— Я не знаю, что происходило семь лет назад. Поэтому и не хочу делать поспешных выводов.

Мне не понравился ответ.

Но я понимала, что она права.

Возможно, я действительно дала согласие на лечение после тяжелого потрясения.

Возможно, Ивар не хотел причинить вреда.

Возможно, у Галена были причины скрывать подробности.

Я перебирала эти предположения и с каждым разом чувствовала себя хуже.

Потому что ни одно не объясняло, почему муж так испугался вопросов Радана.

— Что теперь? — спросила я.

— Теперь я предлагаю осторожно уменьшить дозировку. Под моим наблюдением. Если появятся тревожные симптомы, изменим план.

— А воспоминания начнут возвращаться?

— Могут. Но я не обещаю, что быстро и полностью.

Я посмотрела на свои руки.

Семь лет я прожила с пустым местом в памяти.

Теперь передо мной появилась возможность узнать, что там скрывалось.

Я должна была обрадоваться.

Вместо этого мне стало страшно.

— Мне нужно подумать, — сказала я.

Дея кивнула.

— Конечно.

Она убрала инструменты.

— И еще. Радан попросил показать вам одну вещь, которая принадлежала его брату. Я согласилась присутствовать, но только если вы сами захотите ее увидеть.

Я подняла голову.

— Зачем?

— Он надеется, что знакомый предмет поможет восстановить какой-нибудь фрагмент.

— А вы?

— Я считаю, что это возможно. Но не знаю, насколько сильной будет реакция.

Я вспомнила прибор.

Помутневший раствор.

Боль в висках.

— Он хочет сделать это сегодня?

— Да. Я уже предупредила, что любые вопросы придется прекратить, если вам станет плохо.

Я долго молчала.

Потом спросила:

— Вы останетесь рядом?

— Все время.

— И сможете остановить его?

Дея посмотрела на меня.

— Если потребуется.

Я кивнула.

— Тогда хочу посмотреть.

После обеда Радан пришел в сопровождении Деи.

Он нес небольшую деревянную коробку.

Я сидела возле стола и, увидев его, поднялась.

— Можете не вставать, — сказал он.

— Я и не собиралась выражать почтение.

Он посмотрел на меня, но не ответил.

Дея придвинула второе кресло и села сбоку.

Радан поставил коробку на стол.

— Это принадлежало Орону, — сказал он.

Я посмотрела на крышку.

Простое дерево, потемневшее от времени. На углу была маленькая трещина.

— Что внутри?

— Его дорожный компас.

Я подняла глаза.

— Почему именно он?

Радан некоторое время молчал.

— Брат носил его почти постоянно. Я подумал, что вы могли видеть эту вещь, если встречались.

— Я не помню вашего брата.

— Знаю.

— А вы уверены, что он был на переправе?

Его лицо стало жестче.

— Уверен.

Я пожалела о вопросе.

Дея слегка наклонилась вперед.

— Радан, не нужно торопиться.

Он кивнул и открыл коробку.

Внутри лежал небольшой латунный компас.

Круглый, с потемневшей крышкой и короткой цепочкой. На нижнем краю виднелась глубокая царапина.

Ничего необычного.

Такие вещи часто носили купцы, военные и путешественники.
Я посмотрела на него.
Потом еще раз.
Мне показалось, что я уже видела эту царапину.
Не на компасе.
Где-то еще.
Я нахмурилась.
— Можно взять?
Радан посмотрел на Дею.
Та кивнула.
— Если хотите. Только не пытайтесь силой вызвать воспоминание.
Я протянула руку.
Металл оказался холодным.
Я перевернула компас.
На обратной стороне были выцарапаны две буквы.
О. К.
Орен Керн.
Внезапно мне стало трудно дышать.
Я крепче сжала компас.
И почувствовала холод.
Не тот обычный холод металла, который держат в ладони.
Другой.
Глубокий, болезненный.
Будто рука оказалась в ледяной воде.
Перед глазами мелькнуло что-то темное.
Доски.
Мокрая ткань.
Чужая ладонь.
Тяжелая.
Я пыталась удержать ее, но пальцы скользили.
Кто-то дышал рядом.
Неровно.
С трудом.
Потом я словно снова вдохнула дым.
Резкий, от которого защипало в горле.
Я резко отдернула руку.
Компас упал на стол.
— Мира!
Дея оказалась рядом.
Я не могла ответить.
В ушах шумела вода.
Я видела перед собой комнату, Радана, окно, но все казалось далеким.
Кто-то коснулся моего плеча.
Я дернулась.
— Не трогайте!
Рука исчезла.
— Хорошо, — услышала я голос Деи. — Никто вас не трогает. Посмотрите на меня.
Я попыталась.
Перед глазами все расплывалось.

— Где вы сейчас?

Я не сразу поняла вопрос.

— В... крепости.

— Правильно. Назовите, что видите перед собой.

Я посмотрела на стол.

— Коробка. Чашка. Книга.

— Хорошо. А за окном?

Я повернула голову.

— Двор.

Дея продолжала спокойно говорить, пока дыхание не стало ровнее.

Постепенно шум воды исчез.

Я снова почувствовала твердую спинку кресла, собственные пальцы, теплый воздух возле камина.

Радан стоял у стола.

Его лицо было бледнее обычного.

— Вы что-то вспомнили? — спросил он.

Я посмотрела на компас.

Маленькая латунная вещь лежала там, где упала.

Мне захотелось оттолкнуть ее подальше.

— Воду, — прошептала я.

Радан сделал шаг вперед.

— Какую воду?

— Холодную. Я держала чью-то руку.

— Мужскую?

Я зажмурилась.

— Не знаю.

— Он был жив?

— Радан, — резко сказала Дея.

Он остановился.

— Еще один вопрос.

— Нет.

— Это может быть важно.

— Я сказала, нет.

Я открыла глаза.

Радан смотрел на лекаря.

В его лице было столько напряжения, что мне стало страшно.

Не за себя.

За то, что он сейчас услышал.

Я впервые подумала, что этот мужчина действительно мог любить брата.

Не просто искать виновного ради власти или мести.

Он хотел знать, как Орен умер.

И я, возможно, была единственным человеком, который мог рассказать.

— Я ничего больше не помню, — сказала я.

Радан посмотрел на меня.

Я ожидала недоверия.

Но он только коротко кивнул.

— Понимаю.

— Нет, — прошептала я. — Вы не понимаете.

Мне снова захотелось плакать.

— Я не знаю, чью руку держала. Не знаю, где находилась. Я даже не уверена, что это настоящее воспоминание, а не что-то, что мне показалось.

Дея положила передо мной стакан воды.

— Именно поэтому мы не будем делать выводов.

Я посмотрела на нее.

— Но я что-то видела.

— Да.

— Значит, там все-таки есть воспоминания?

— Возможно. Мы продолжим осторожно, если вы захотите.

Радан положил компас обратно в коробку и закрыл ее.

Я заметила, как он задержал ладонь на крышке.

— Где вы нашли компас? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Среди вещей, которые вернули после гибели Орена.

— Кто вернул?

— Представители Речной стаи.

— Гален?

— Через его людей.

Я посмотрела на коробку.

— Вы сами были на переправе?

— Нет. Я прибыл позже.

В его голосе впервые появилась усталость.

— Я не успел.

Он произнес эти слова тихо.

И я поняла, что он не просто сообщает факт.

Семь лет он, наверное, возвращался к этому моменту.

К тому, что не поехал вместе с братом.

Я хотела спросить, сколько Орону было лет.

Но не решилась.

Сейчас мне было трудно выдерживать собственные воспоминания.

Чужое горе могло окончательно лишить меня сил.

— Мира, — сказала Дея. — На сегодня все. Вам нужно отдохнуть.

Я кивнула.

Радан забрал коробку.

У двери остановился.

— Я не знал, что реакция будет такой сильной.

Я посмотрела на него.

— Вы ведь надеялись, что я что-нибудь вспомню.

— Да.

— Вот я и вспомнила.

Он ничего не сказал.

Я отвернулась.

— Можете идти.

Дверь закрылась.

На этот раз я не услышала сразу щелчка замка.

Возможно, Радан задержался снаружи.

Но через несколько секунд охранник все-таки запер дверь.

Я закрыла глаза.

Холодная вода.

Тяжелая рука.

Запах дыма.

И ничего больше.

Я попыталась снова представить тот момент, но вместо воспоминания пришла боль.

Остановилась.

Дея предупреждала.

Нельзя было заставлять себя.

Я легла на кровать и долго смотрела в потолок.

Теперь я знала, что в моей голове действительно сохранилось что-то от той ночи.

И это что-то пугало меня сильнее пустоты.

К вечеру головная боль ослабла.

Дея приходила еще раз, проверила мое состояние и оставила подробные указания. Я должна была сообщать о новых приступах, не менять самостоятельно дозировку и пока не пытаться вспоминать с помощью сильных раздражителей.

Она предложила начать постепенное уменьшение настоя со следующего утра, если ночью не станет хуже.

Я согласилась.

Не потому, что хотела помочь Радану.

Он мог ждать своих ответов сколько угодно.

Я хотела узнать, что произошло со мной.

И что случилось с отцом.

После ухода лекаря я достала список вопросов.

Перечитала его.

Затем написала на новом листе:

«Сегодня мне вспомнилась холодная вода. Я держала чью-то руку. Не знаю, чью. Был дым».

Я подчеркнула слова «не знаю».

Мне важно было не добавлять то, чего в действительности не помнила.

Несколько минут я сидела над записью.

Потом заметила, что больше не дрожу.

Страх никуда не исчез.

Но теперь он не мешал мне держать перо.

Поздним вечером Дея вернулась.

В руках у нее была сложенная бумага с темной печатью.

— Пришло письмо от вашего прежнего лекаря, — сказала она.

Я подняла голову.

— От Ивара?

— Да. По запросу Радана передали назначения и описание лечения.

Я медленно положила перо.

— Он написал обо мне?

— Указал состав настоя, дозировку и несколько рекомендаций.

— Можно посмотреть?

Дея села рядом.

— Конечно.

Она протянула мне лист.

Почерк я узнала сразу.

Ивар писал мелко, аккуратно, почти без наклона. Такими же буквами он подписывал мои пузырьки с лекарством.

Вверху стояло мое имя.

Ниже перечислялись травы, количество капель и порядок приема.

Я внимательно прочитала каждую строку.

Некоторые названия были мне незнакомы.

Рядом с дозировкой находилась пометка:

«При выраженном беспокойстве допустимо временное увеличение поддерживающего состава по согласованию с врачом».

Дея указала на нее.

— Поэтому я не хотела, чтобы вы продолжали принимать дополнительные дозы. Нужно отдельно разобраться с их действием.

Я кивнула.

Перевела взгляд ниже.

На обороте листа располагался раздел с рекомендациями.

Сон не менее восьми часов.

Избегать тяжелой физической нагрузки при приступах.

Ограничивать сильные эмоциональные потрясения.

Все это я слышала много раз.

Потом шла отдельная запись, выделенная более темными чернилами.

Я прочитала ее.

И не сразу поняла.

«Не допускать возвращения пациентки на Соляную переправу».

Ниже:

«Исключить воздействие звука старого сигнального колокола».

Я перечитала еще раз.

И еще.

— Что такое? — спросила Дея.

Я показала ей запись.

Она наклонилась ближе.

Несколько секунд молчала.

— Вы раньше знали об этом запрете?

— О переправе да. Гален говорил, что мне нельзя туда возвращаться.

— А о колоколе?

Я покачала головой.

На Соляной переправе действительно стоял большой сигнальный колокол. Отец использовал его, когда нужно было остановить движение по настилу или предупредить работников об опасности.

Я помнила, как он звучал.

Глухо, низко, с долгим металлическим гулом.

В детстве мне нравилось стоять рядом и смотреть, как отец тянет за тяжелую веревку.

После пожара я больше не слышала этот звук.

Никогда.

Гален не разрешал даже приближаться к старому служебному крылу.

— Почему именно колокол? — спросила я.

Дея не ответила.

Я посмотрела на дату внизу листа.

Назначение было сделано через три дня после нападения.

В то время я еще почти не приходила в сознание.

— Ивар говорил, что я потеряла память из-за травмы, — произнесла я. — Тогда откуда он знал, что мне нельзя слышать именно этот звук?

Дея взяла лист.

Внимательно изучила запись.

— Это важный вопрос.

Я посмотрела на нее.

— Вы знаете ответ?

— Нет.

Она не попыталась успокоить меня.

Не сказала, что я слишком много думаю.

Просто вернула бумагу.

Я снова прочитала последние две строки.

Семь лет мне запрещали возвращаться на переправу.

Семь лет Гален следил, чтобы я принимала лекарство.

И все это время существовал отдельный запрет на звук колокола, которым мой отец предупреждал людей об опасности.

Я подняла глаза на Дею.

— Если в моей памяти ничего нет, — тихо спросила я, — зачем было так старательно следить, чтобы я ничего не вспомнила?

Глава 3. Чужая кровь

Утром я попросила принести мне старые планы Соляной переправы.

Дея пришла проверить мое состояние как раз тогда, когда я заканчивала список необходимых документов.

Она прочитала несколько строк через мое плечо и нахмурилась.

— Вы плохо спали?

— Просыпалась дважды.

— Голова болела?

— Немного. Но к утру прошло.

Лекарь положила на стол маленький пузырек с настоем.

Сегодня она начала осторожно уменьшать дозу. Я согласилась, хотя совершенно не представляла, как мой организм отреагирует на перемены.

— Я просила вас отдыхать, — напомнила она.

— А я отдыхаю. Сажу за столом, не таскаю камни и не пытаюсь вспомнить что-нибудь силой.

— Зато собираетесь изучать переправу, где едва не погибли.

Я отложила перо.

— Дея, если мне запретить все, что связано с моим прошлым, я ничем не буду отличаться от той женщины, которой была в замке Галена.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Разбираться в документах можно. Но если почувствуете, что начинается приступ, остановитесь.

— Обещаю.

— И никаких попыток самостоятельно вернуть воспоминания с помощью старых вещей.

Я невольно посмотрела на ладонь.

Вчера в ней лежал компас Орена Керна. Металл был холодным, но гораздо сильнее запомнилось другое ощущение.

Чужая рука.

Мокрая, тяжелая.

Я держала ее и боялась отпустить.

Чем больше пыталась представить лицо того человека, тем быстрее начинала болеть голова.

— Я не собираюсь повторять вчерашнее, — сказала я.

Дея кивнула.

— Тогда договорились.

Она проверила пульс, задала еще несколько вопросов и вышла.

Я вернулась к записям.

Передо мной лежала копия ведомости, в которой мое имя значилось рядом с отметкой о выдаче служебного ключа. В соседней колонке я записала все, что помнила об устройстве старой переправы.

Основная дорога подходила к реке с юга. Там находились склады, конюшни и помещение для сборщиков пошлыны. Дальше располагались мостовой настил и нижний причал, который использовали во время ремонта моста или при высокой воде.

Севернее стоял служебный двор.

В него вели отдельные ворота, достаточно широкие для повозки. Через них доставляли древесину, инструменты и иногда раненых. В старом каменном крыле располагались лекарская комната, отдельная палата для раненых, сторожка и небольшой склад.

Я знала каждый угол этого двора.
Когда отец работал допоздна, я приносила ему ужин и помогала проверять списки грузов.
Еще до свадьбы я умела закрывать основные запоры, пользоваться аварийным водоотводом и определять, насколько поднялась река, по отметкам на каменной опоре.
Я могла забыть подробности пожара.
Но не устройство переправы.
Я снова прочитала старую ведомость.
Ключ от служебных ворот выдали мне незадолго до нападения.
Зачем?
В тот вечер там должны были проходить переговоры. Отец предупреждал, что посторонних не пустят, а часть помещений займут гости.
Возможно, мне просто поручили принять какую-нибудь повозку.
Но тогда почему в официальном отчете было написано, что я вообще отсутствовала?
Я взяла чистый лист и нарисовала схему.
Получилось неровно.
Я переделала.
Потом еще раз.
Когда за дверью раздался стук, я успела исписать три страницы.
— Войдите.
На пороге появился Брен.
— Госпожа Вейр, альфа разрешил передать вам часть архивных материалов.
Он держал под мышкой толстую папку.
Я поднялась.
— Все, что я просила?
— Не все. Здесь строительные планы и копия официального разбора нападения. Остальные документы пока проверяют.
Брен положил папку на стол.
Я раскрыла ее.
Первым лежал чертеж служебного двора, выполненный за два года до пожара.
Я сразу узнала подпись мастера, который работал с отцом.
— Где вы это нашли?
— В архиве заставы, которую мы заняли после войны.
— Эти бумаги должны были храниться у смотрителя переправы.
— Возможно, после пожара их передали военным.
Я провела пальцем вдоль края чертежа.
Вот северные ворота.
Вот склад.
Вот узкий проход к палате для раненых.
Я наклонилась ближе.
— Здесь ошибка.
Брен остановился у двери.
— Какая?
— Не на чертеже. В официальном отчете.
Я развернула второй лист.
В нем говорилось, что вооруженные северяне ворвались на переправу через служебные ворота, взломав запор с внешней стороны. После этого они захватили внутренний двор и подожгли помещения.
Я прочитала абзац еще раз.
— Так не могло быть.

Брен подошел ближе.

— Почему?

Я показала ему чертеж.

— Посмотрите на ворота. Видите этот знак?

— Поперечная балка.

— Верно. Главный засов располагался с внутренней стороны двора. Снаружи были только железные петли и замочная скважина для служебного ключа. А второй запор можно было открыть только изнутри.

— Его могли сломать.

— Могли. Но тогда в отчете должны быть описаны повреждения. Здесь написано, что ворота захватили целыми.

Брен взял бумагу.

— Возможно, составитель ошибся.

— Возможно. Только почему сразу в двух местах?

Я перевернула страницу.

Там было указано, что после нападения ворота закрыли для ремонта, но сами створки сохранились.

Если они уцелели, следы взлома должны были остаться.

Брен внимательно изучил запись.

— Вы уверены, что здесь тот же проход?

— Да. Я сама неоднократно открывала эти ворота.

Он посмотрел на мои рисунки.

— Вы составили схему по памяти?

— Да.

— За семь лет устройство могло измениться.

— Могло. Поэтому я хочу увидеть место.

Брен некоторое время молчал.

— Это не ко мне.

— К Радану?

— Да.

Я закрыла папку.

— Тогда передайте, что мне необходимо поговорить с ним.

Брен нахмурился.

— Госпожа Вейр, посещение переправы может оказаться опасным.

— Я понимаю.

— Не уверен.

Мне не понравилось его выражение лица.

— Вы хотите узнать, что случилось семь лет назад?

— Разумеется.

— Тогда перестаньте обращаться со мной так, словно я способна только плакать и мешать расследованию.

Он сжал губы.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Брен неожиданно кивнул.

— Передам альфе вашу просьбу.

Когда он ушел, я вернулась к чертежу.

Меня заинтересовала еще одна деталь.

В палату для раненых вел проход из внутреннего двора через коридор. По старому проекту дверь должна была открываться наружу, в коридор, чтобы через нее можно было быстро выносить носилки.

Отец лично настоял на этом.

Я помнила, как он спорил с мастером, который хотел сделать дверь уже ради экономии железа.

Но в отчете о пожаре говорилось, что находившиеся внутри люди не смогли выбраться, потому что дверь заклинило от жара.

Я посмотрела на обозначение запора.

Если дверь открывалась во двор, снаружи ее можно было удержать поперечной балкой.

А изнутри человек не смог бы убрать такой засов.

Мне стало неприятно.

Я осторожно положила чертеж на стол.

Возможно, здесь не было никакой тайны.

Во время пожара деревянная рама могла покоробиться. На выходе могли скопиться обломки. Люди могли погибнуть от дыма прежде, чем добрались до двери.

Но теперь я хотела увидеть старое крыло собственными глазами.

После обеда Брен вернулся.

— Альфа примет вас в рабочем кабинете.

Я закрыла записи.

— Сейчас?

— Да.

Он проводил меня в другую часть крепости.

Мы прошли через внутреннюю галерею, спустились на этаж и остановились перед массивной дверью с металлической ручкой.

Брен постучал.

Изнутри разрешили войти.

Кабинет Радана оказался удивительно простым.

Большой стол, несколько шкафов, широкая карта северных земель на стене. Возле окна стояли два кресла, а у камина лежала пара мокрых сапог.

На столе было много бумаг.

Радан сидел над письмом. Увидев нас, отложил перо.

— Брен сказал, вы нашли несоответствие.

Я подошла к столу.

— Несколько.

— Покажите.

Я развернула чертеж.

Радан поднялся и встал рядом.

От него пахло холодным воздухом и кожей дорожного ремня. Я заметила на его рубашке след от чернил.

Почему-то это удивило.

Я успела привыкнуть представлять Черного альфу вооруженным, суровым и обязательно занятым подготовкой очередной войны.

Мужчина с чернильным пятном на рукаве выглядел куда менее устрашающе.

Я сердито напомнила себе, что он все еще держит меня под охраной.

— Вот служебные ворота, — начала я. — В официальном отчете сказано, что ваши люди взломали их снаружи.

Радан посмотрел на бумагу.

— Мои люди не нападали на переправу.

Я подняла глаза.

— Так утверждаете вы.

— Да.

— А Гален утверждал обратное.

— Поэтому мы и изучаем документы.

Я не нашла, что ответить.

Радан указал на чертеж.

— Продолжайте.

Я объяснила устройство запоров и показала записи о состоянии ворот после пожара.

Он слушал внимательно, не перебивая.

Потом спросил:

— Вы лично видели, как работали эти запоры?

— Много раз. Отец доверял мне служебные ключи.

— И второй запор нельзя было открыть снаружи?

— Без разрушения ворот или стены нельзя.

— Если кто-то отодвинул его изнутри?

— Тогда ворота можно было открыть ключом.

Радан посмотрел на меня.

Я поняла, к чему он ведет.

— Вы думаете, я сама впустила нападавших?

— Я думаю, что кто-то открыл ворота.

— И сразу решили, что это была я.

— В ведомости указан ваш ключ.

Мне стало холодно.

Я посмотрела на собственные пальцы, лежавшие на краю чертежа.

— Я не помню.

— Знаю.

— Тогда зачем вы спрашиваете так, словно я должна немедленно во всем признаться?

Радан отступил на шаг.

— Я не прошу признания.

— Но подозреваете.

Он помолчал.

— Пока я не знаю, какое участие вы принимали в тех событиях.

Я посмотрела на него.

— А если я действительно открыла ворота?

— Тогда нужно узнать зачем и кому.

Его ответ не принес облегчения.

Вчера я видела чужую руку в ледяной воде.

Сегодня обнаружила документ, из которого следовало, что могла открыть проход для убийц собственного отца.

Мне хотелось отвернуться от этих мыслей.

Но я заставила себя продолжить.

— Я хочу осмотреть старое служебное крыло.

Радан нахмурился.

— Это плохая идея.

— Почему?

— Вам стало плохо от одного компаса.

— А мне не станет лучше, если я проведу следующие семь лет в комнате, ожидая, когда кто-нибудь расскажет мне правду.

— Дея предупреждала об опасности.

— Я не собираюсь специально вызывать воспоминания. Хочу проверить устройство ворот.

Радан посмотрел на чертеж.

— Переправа находится на территории Речной стаи. По мирному договору наши представители могут осматривать пограничные сооружения, но поездку нужно согласовать.

— Значит, согласуйте.

Он поднял глаза.

Я сама удивилась своему тону.

Еще неделю назад я не позволила бы себе так разговаривать с Галеном.

Радан медленно положил ладонь на стол.

— Вы понимаете, что мне придется взять охрану?

— Конечно.

— И Дею.

— Я собиралась попросить об этом сама.

— Если она скажет, что вам нужно остановиться, мы остановимся.

— Согласна.

Он некоторое время разглядывал меня.

— А если я прикажу вернуться?

Я напряглась.

— Тогда вы опять напомните, что я ваша пленница.

Радан отвел взгляд.

Мне показалось, что он хочет что-то сказать, но передумал.

— Я поговорю с Деей, — произнес он наконец.

— И когда мы поедем?

— Если она разрешит и мы получим пропуск, завтра утром.

Я выдохнула.

— Хорошо.

Уже собиралась свернуть чертеж, когда Радан остановил меня.

— Мира.

Я подняла голову.

— Вы боитесь узнать, что действительно помогли нападавшим?

Вопрос застал меня врасплох.

Я долго молчала.

Потом ответила:

— Да.

Он ничего не сказал.

— Я боюсь, что вспомню что-нибудь ужасное. Что окажется, будто я совершила поступок, из-за которого погибли люди. Но еще больше боюсь прожить всю жизнь, не зная, что было на самом деле.

Радан посмотрел на меня иначе.

Без прежней холодной настороженности.

— Тогда завтра начнем с ворот, — сказал он.

Я кивнула.

Он подошел к шкафу и достал еще один лист.

— Это схема размещения северной делегации. Орен должен был остановиться в служебном крыле.

Я взяла бумагу.

На ней были отмечены три помещения.

Лекарская комната.

Небольшая спальня.

Общий зал.

— Почему ваш брат приехал туда? — спросила я.

— Он вел переговоры о торговых сборах и пропавших грузах.

— С Галеном?

— С его представителями. Сам Гален обещал прибыть позже.

Я нахмурилась.

— Мне говорили, что ваш брат пришел с вооруженным отрядом.

— У него было несколько сопровождающих. По условиям встречи оружие должны были оставить у внешнего поста.

— Он доверял этим условиям?

Радан опустил глаза на схему.

— Да.

Впервые мне стало неловко задавать вопросы.

По тому, как он произнес это слово, я поняла, что Радан много раз спрашивал себя, почему позволил брату поехать.

— Сколько ему было лет? — тихо спросила я.

— Двадцать три.

Я посмотрела на чертеж.

Всего двадцать три.

Когда погиб мой отец, мне было двадцать два. Я считала себя взрослой женщиной, знала, чего хочу от жизни, и была уверена, что впереди еще много времени.

Орен был почти моим ровесником.

— Мне жаль, — сказала я.

Радан ответил не сразу.

— Мне тоже.

Я сложила бумаги.

Брен проводил меня обратно.

Вечером Дея пришла еще раз и подробно расспросила о предстоящей поездке.

Я показала ей свои записи.

Она прочитала их и посмотрела на меня.

— Вы действительно разбираетесь в устройстве переправы?

— Отец работал там всю жизнь.

— Тогда я понимаю, зачем вам ехать. Но у меня будут условия.

Она перечислила их одно за другим.

Я должна была сообщать о первых признаках боли. Не пытаться вызвать воспоминания самостоятельно. Не оставаться одна в старом крыле. Не трогать вещи, если Дея сочтет это опасным.

Я выслушала.

— А если я просто узнаю какую-нибудь дверь?

— Узнавать двери вам никто не запрещает.

Она произнесла это совершенно серьезно.

Я неожиданно рассмеялась.

Дея тоже улыбнулась.

В тот вечер я впервые за несколько дней поужинала с аппетитом.

Ночью все равно долго не могла заснуть.

Но теперь меня пугало не только прошлое.

Я думала о том, что утром увижу место, где погиб отец.

И не знала, смогу ли войти во двор, не расплакавшись.

Мы выехали до рассвета.

В карете разместились я и Дея. Радан ехал верхом впереди, Брен сопровождал нас с шестью стражниками.

Дорогу заранее согласовали с межстайной палатой. На переправе нас должны были встретить представители местной охраны.

Я надела теплое дорожное платье и удобные сапоги. С собой взяла отцовскую книжку, чертежи и небольшой мешочек с личными вещами.

Дея проверила лекарство и предупредила, что сегодня дозировка останется без изменений.

— И никаких геройств, — добавила она.

— Постараюсь.

— Мне не нравится это слово.

— Тогда обещаю не геройствовать без необходимости.

Она покачала головой.

— Вы определенно начинаете чувствовать себя лучше.

Дорога сначала проходила через густой лес, потом спускалась к открытой долине.

Мы пересекли пограничную заставу, где северян проверили по документам, и продолжили путь.

Чем ближе становилась переправа, тем труднее мне было сидеть спокойно.

Я узнавала отдельные повороты, старые каменные столбы, низкие холмы у реки.

Здесь мы ездили с отцом за древесиной.

Там однажды сломалось колесо повозки, и я полдня помогала ему искать мастера.

Я помнила эти мелочи удивительно хорошо.

Но о ночи пожара не могла вспомнить почти ничего.

Когда показалась река, я сжала руки.

Дея заметила.

— Болит голова?

— Нет.

— Тогда дышите спокойно. Мы не торопимся.

Я кивнула.

Карета медленно въехала на площадку перед переправой.

Первым я увидела новый мост.

Его восстановили после пожара. Вместо старых деревянных опор поставили каменные.

Дорога стала шире, появились дополнительные перила.

Слева стояли склады, справа тянулись низкие хозяйственные строения.

Почти все выглядело иначе.

Но запах реки остался прежним.

Сырой камень.

Мокрая древесина.

От складов, где хранили грузы с южных приисков, ветер нес соляную пыль.

Я вышла из кареты.

На мгновение я зажмурилась.

Перед глазами стоял двор моего детства.

Я почти слышала голос отца, который ругался на работников за плохо закрепленные канаты.

Потом открыла глаза.

Передо мной был чужой мужчина в форме местной охраны.

Он поклонился Радану, предъявил разрешение палаты и сообщил, что старое крыло подготовлено для осмотра.

Я смотрела мимо него.

Туда, где за новыми складами виднелась знакомая каменная стена.

— Госпожа Вейр? — окликнула Дея.

Я повернулась.

— Все хорошо.

Радан спешился.

— Начнем с внешнего двора.

Я кивнула.

Мы прошли через широкие ворота.

И я остановилась.

Соляная переправа изменилась сильнее, чем я ожидала.

Старые деревянные постройки почти полностью исчезли. На их месте стояли новые склады. Большую часть двора выложили камнем, убрали старый колодец и построили крытую площадку для разгрузки.

Только служебное крыло осталось прежним.

Темные стены.

Узкие окна.

Низкая крыша, которую отремонтировали после пожара.

Я смотрела на него, чувствуя, как по спине ползет холод.

— Там погиб мой отец, — сказала я.

Никто не ответил.

Дея подошла ближе.

— Хотите сделать перерыв?

Я покачала головой.

— Нет. Давайте сначала посмотрим ворота.

Служебный проход находился сбоку от основного двора.

Теперь его почти не использовали. Дорогу частично засыпали щебнем, а рядом сложили старые балки.

Я подошла к воротам.

Створки заменили после пожара, но каменная арка сохранилась.

В нижней части стены виднелись старые железные крепления.

Я присела.

Провела пальцем по холодному камню.

Вот сюда входил внутренний засов.

Чуть выше находилось отверстие для крепления второго.

Я вспомнила, как отец показывал мне устройство замка.

Он всегда говорил, что главным должен оставаться не красивый механизм, а надежная возможность открыть проход во время пожара или наводнения.

Я поднялась.

— Видите? — спросила я Радана.

Он подошел.

— Что именно?

— Нижнее крепление. Засов проходил здесь, со стороны двора. Если его отодвинуть, ворота можно открыть ключом. Но если он закрыт, снаружи створки не распахнуть.

Брен присел рядом.

— Следы взлома могли исчезнуть при ремонте.

— На дереве да. Но камень сохранился.

Я показала на металлическую пластину.

— Если бы ворота ломали снаружи, здесь должны были остаться повреждения от перекоса створки. А крепление целое.

Радан внимательно посмотрел на стену.

— Значит, кто-то открыл ворота изнутри.

— Это наиболее вероятно.

— И у вас был ключ.

Я выпрямилась.

— Да.

Он не отвел взгляда.

— Но я не помню, зачем его брала.

Дея подошла к нам.

— Мира, как вы себя чувствуете?

— Нормально.

Это была правда.

Пока я смотрела на камни, железо и старые крепления, страх отступал.

Здесь все подчинялось понятным правилам.

Если засов стоял в определенном месте, дверь открывалась одним способом.

Если его переставляли, менялась возможность выхода.

Камень не пытался убедить меня, что я неправильно помню собственную жизнь.

Мы перешли к служебному крылу.

Здесь было темнее.

Часть коридора восстановили после пожара, но стены оставили прежними. На камне местами сохранялись черные следы, которые не удалось полностью счистить.

Я остановилась перед дверью палаты для раненых.

Она была новой.

Тяжелой, окованной железом.

— Раньше она открывалась наружу, — сказала я.

Местный смотритель подтвердил:

— Сейчас тоже. После ремонта решили оставить прежний порядок.

Я посмотрела на дверной проем.

Справа, чуть ниже плеча, виднелось старое углубление.

Слева находилась похожая отметина.

Но они не совпадали с нынешними креплениями.

— Брен, посмотрите сюда.

Он подошел.

Я указала на два углубления.

— Это следы от старой поперечной балки.

— Возможно.

— Только балка находилась не внутри комнаты.

Я отступила в коридор.

— Ее можно было положить здесь, снаружи.

Радан подошел ближе.

— То есть запереть людей внутри?

— Да.

Мне стало трудно говорить.

Я вспомнила рассказы о погибших рабочих.

Трое работников находились в этой палате, когда начался пожар. По официальной версии, они не смогли выбраться, потому что дверь заклинило.

Отец пытался их спасти.
И погиб рядом.
Я провела пальцем по углублению.
— Посмотрите на края. Здесь сохранились следы железных креплений. Это не похоже на случайный удар.
Брен наклонился.
— После пожара могли устанавливать временную защиту.
— Могли. Но смотрите выше.
Я указала на участок потемневшего раствора.
У краев старого крепления сохранилась копоть. Ниже были заметны следы поздней заделки раствором.
Похоже, крепление существовало еще до того, как здесь чистили стены после пожара.
Радан некоторое время изучал стену.
— Нужно будет проверить ремонтные ведомости.
— Да.
Я сделала шаг назад.
Я невольно представила, как все могло произойти.
Кто-то закрыл проход снаружи.
Люди внутри пытались выбраться, но тяжелая балка не позволила открыть дверь.
Потом начался пожар.
Я почувствовала тошноту.
— Мира? — позвала Дея.
Я подняла руку.
— Минуту.
Мне требовалось просто постоять.
Вспомнить, где я нахожусь.
Почувствовать под ногами твердый пол.
Я закрыла глаза.
И вдруг услышала знакомый звук.
Тонкий металлический скрип.
Совсем близко.
Я резко обернулась.
В дальнем конце коридора ветер раскачивал старую железную скобу на стене.
Ничего опасного.
Но сердце забилося так сильно, что я едва могла дышать.
На мгновение мне показалось, что вот-вот раздастся удар большого колокола.
Того самого, о котором писал Ивар.
Я сделала шаг назад.
Перед глазами мелькнул другой двор.
Темный.
Освещенный факелами.
Кто-то торопливо говорил за моей спиной.
Я держала ключ.
Настоящий, тяжелый, с длинной бородкой.
Чья-то рука указала на служебные ворота.
— Мира, откройте. Там раненые.
Голос был мужским.
Я не узнала его.
Воспоминание оборвалось.

Я открыла глаза.
Дея стояла рядом.
— Что произошло?
Я смотрела на нее.
— Я...
Слова застряли в горле.
Радан подошел ближе.
— Вы что-то вспомнили?
Я медленно кивнула.
— Мне сказали открыть ворота.
Он замер.
— Кто?
— Не знаю.
Я прижала ладонь к виску.
— Мужчина. Он сказал, что привезли раненых.
— Вы открыли?
— Я держала ключ.
Я попыталась вспомнить дальше.
Пальцы сжались.
Виски пронзила резкая боль.
— Мира, остановитесь, — сказала Дея.
Я послушалась.
Несколько секунд стояла, опираясь о стену.
Потом боль начала отступать.
— Я думала, там раненые, — прошептала я.
Радан смотрел на меня так внимательно, что стало не по себе.
— Вы видели их?
— Нет. Только помню слова.
Брен нахмурился.
— Кто мог привезти раненых на закрытую переправу?
— Не знаю!
Я ответила резче, чем собиралась.
Он отступил.
Я с трудом перевела дыхание.
— Я не знаю, кто говорил. Не знаю, что было в повозке. Я даже не уверена, что действительно открыла ворота.
Радан посмотрел на Дею.
— На сегодня достаточно, — сказала лекарь.
Я хотела возразить.
Но почувствовала, что ноги начали дрожать.
— Еще один вопрос, — попросила я. — Где стоял старый колокол?
Местный смотритель указал в сторону небольшой башни за служебным крылом.
— Его сняли после пожара. Теперь он хранится в закрытом помещении.
Я посмотрела туда.
Башня была знакомой.
Когда-то я любила подниматься на ее верхнюю площадку.
Оттуда открывался вид на всю долину.
Отец всегда ругал меня за эту привычку. Говорил, что на высоте сильный ветер и можно упасть.

Я хотела попросить показать колокол.
Но увидела выражение лица Деи.
И промолчала.
Мы вернулись во двор.
Я села на низкую каменную скамью.
Радан стоял неподалеку, разговаривая с Бреном.
Они обсуждали найденные крепления и возможность проверить старые ремонтные документы.

Я почти не слушала.
Перед глазами все еще стояли служебные ворота.
И собственная рука с ключом.
Значит, возможно, именно я открыла проход.
Но кому?
И почему Гален скрыл мое присутствие?
Дея протянула мне воду.
Я выпила несколько глотков.
— Вы молодец, — сказала она.
Я посмотрела на нее.
— За что?
— За то, что остановились, когда стало больно.
Я невольно усмехнулась.
— Странная причина для похвалы.
— Вовсе нет. Многие на вашем месте продолжали бы мучить себя, пытаясь добиться ответа немедленно.

Я посмотрела на ворота.
— Я не хочу снова потерять память.
— Тогда не торопитесь. Мы будем разбираться постепенно.
Через некоторое время Радан подошел к нам.
— Возвращаемся.
Я поднялась.
— А ремонтные записи?
— Их доставят в крепость после проверки.
— И старые рисунки повреждений?
— Если сохранились, тоже.
Я кивнула.
Он посмотрел на меня.
— Спасибо за помощь.
Я удивилась.
— Вы благодарите меня?
— Вы заметили то, чего не нашли люди, изучавшие эти документы раньше.
— Потому что я здесь выросла.
— Тем не менее.
Я отвела взгляд.
Не хотела, чтобы его благодарность что-то для меня значила.
Но она значила.
Гален уже много лет воспринимал мою работу как нечто само собой разумеющееся.
А здесь человек, которого я боялась, спокойно признавал, что я оказалась полезна.
Я тут же рассердилась на себя за эту мысль.
Не стоило считать хорошим поступком обычную вежливость.

Когда мы шли к карете, я обернулась.
Старая служебная башня виднелась над стеной.
Мне показалось, что я вот-вот услышу голос отца.
Но вокруг было тихо.
Только ветер шевелил сухую траву у дороги.

Обратно мы отправились после полудня.
Дея сидела напротив и время от времени проверяла мое состояние.
Головная боль почти исчезла, зато появилась сильная усталость.
Я закрыла глаза.
Передо мной снова возникал ключ.
Чужой голос.
Просьба открыть ворота.
Я заставляла себя не пытаться вспомнить дальше.
В какой-то момент карета остановилась.
Снаружи слышались голоса.
Я приподняла занавеску.

Мы находились на узкой лесной дороге. По обе стороны поднимались высокие деревья,
а впереди дорогу преграждал упавший ствол.

Брен спешил и осматривал препятствие.
Радан стоял возле своей лошади.
Я нахмурилась.

— Что случилось?

Дея выглянула в окно.

— Похоже, дерево перегородило дорогу.

— Оно упало недавно?

— Не знаю.

Я посмотрела внимательнее.

Ствол лежал поперек дороги почти ровно.

Ветки были свежими, с зелеными листьями.

У основания виднелся светлый срез.

Мне стало неприятно.

— Дея.

— Что?

— Это дерево не упало само.

Она повернулась ко мне.

В следующую секунду что-то резко ударило в стенку кареты.

Раздался треск.

Я вскрикнула и отшатнулась.

Из деревянной стенки напротив торчал короткий арбалетный болт.

Он вошел чуть выше того места, где несколько мгновений назад находилась моя голова.

— На пол! — крикнула Дея.

Я сползла со скамьи.

Снаружи раздались крики.

Кто-то рявкнул приказ.

Лошади заржали.

Карета дернулась.

Я схватилась за край сиденья.

Еще один удар пришелся в деревянную раму окна.

Стекло осыпалось мелкими осколками.
Дея закрыла мне голову своим плащом.
— Не поднимайтесь!
Я слышала быстрые шаги снаружи.
Затем голос Радана:
— Брен, правый склон! Двое у дороги!
Раздался звон металла.
Кто-то вскрикнул.
Я попыталась понять, откуда стреляют.
Первый болт вошел с левой стороны.
Второй ударил почти в то же место.
Значит, кто-то целился именно в окно, возле которого я сидела.
Сердце стучало так громко, что я почти не слышала остальных звуков.
— Дея! — позвал Радан.
— Мы внутри!
— Выходите с противоположной стороны! Быстро!
Лекарь схватила меня за руку.
Я попыталась подняться, но юбка зацепилась за ножку сиденья.
Пришлось резко дернуть ткань.
Раздался треск.
В обычный день я бы расстроилась из-за испорченного платья.
Сейчас даже не посмотрела вниз.
Дея открыла дверцу.
Снаружи стоял Радан.
Он протянул руку.
— Сюда.
Я спрыгнула с подножки.
Ноги подкосились, и он на мгновение удержал меня за локоть.
— В канаву. За каменную насыпь.
Я увидела низкую каменную стенку вдоль дороги.
До нее оставалось несколько шагов.
Дея уже направлялась туда.
Я побежала следом.
В этот момент из кустов справа донесся резкий щелчок.
Радан резко развернулся.
Он толкнул меня вниз, за камни.
Я упала на колени.
И услышала его короткий, сдавленный выдох.
Обернулась.
Черный альфа стоял в двух шагах от меня.
Из его плеча, чуть ниже ключицы, торчал арбалетный болт.
Темная ткань рубашки быстро намокала.
— Радан!
Он будто не услышал.
Схватился за рукоять меча левой рукой и шагнул к деревьям.
За ним метнулся Брен.
Послышался короткий крик.
Потом треск веток.
Я попыталась подняться.

Дея схватила меня за плечо.
— Лежать!
— Его ранили!
— Я вижу!
Она достала из сумки сложенную ткань и небольшой пузырек.
— Брен! — крикнула она. — Альфу ко мне!
За камнями я видела только ноги людей и часть дороги.
Один из северян лежал возле переднего колеса кареты.
Другой пытался успокоить лошадей.
Брен появился из-за деревьев.
Рядом шел Радан.
Он держался прямо, но лицо стало очень бледным.
На рубашке расплзлось темное пятно.
— Сколько стрелков? — спросила Дея.
— Трое. Один ушел в овраг, — ответил Брен. — Двое больше не нападут.
Радан посмотрел на меня.
— Вы целы?
Я кивнула.
Он перевел взгляд на Дею.
— Болт серебряный.
Лекарь резко выпрямилась.
— Не трогайте его.
— Я знаю.
— Тогда сядьте и перестаньте изображать из себя крепостную стену.
Несмотря на страх, я едва не рассмеялась.
Радан медленно опустился на камень.
Дея осмотрела рану.
Болт вошел глубоко. Альфа еще мог говорить и двигаться, но кровь быстро пропитывала рубашку.
Лекарь осторожно разорвала ткань вокруг ранения.
В ране виднелось древко.
Кожа вокруг него уже покраснела.
— Нужно возвращаться, — сказала Дея. — Здесь я не стану его извлекать.
Брен кивнул.
— Дорогу расчистим через несколько минут.
— У нас нет нескольких минут, если он продолжит терять кровь.
Я смотрела на темную кровь вокруг раны.
И вдруг вспомнила отца.
Он учил меня перевязывать небольшие порезы работников, потому что на переправе постоянно кто-нибудь цеплялся за железо или ранил ладони о доски.
Я никогда не видела таких тяжелых ранений.
Но знала, как удержать повязку.
— Дея, я могу помочь?
Она посмотрела на меня.
— Вы сможете держать ткань?
— Да.
— Тогда сюда. Только не давите на древко.
Я опустилась рядом.

Лекарь показала, куда приложить сложенную повязку, чтобы сдерживать кровь вокруг раны.

Мои руки дрожали.

Я заставила себя дышать ровнее.

Радан смотрел на меня.

— Вы должны быть под охраной.

— Я и так под охраной.

— Мира...

— Помолчите.

Он замер.

Я сама удивилась, что сказала это Черному альфе.

Дея коротко хмыкнула.

— Отличный совет. Я бы тоже его дала.

Радан закрыл глаза.

На лбу выступил пот.

Я придерживала повязку, стараясь не смотреть на серебро.

Впервые в жизни я увидела, насколько тяжело оборотень переносит такую рану.

Обычный порез у них затягивался быстро.

Гален однажды повредил ладонь во время тренировки. Через несколько часов от раны осталась лишь тонкая полоска.

Здесь кровь не останавливалась.

Серебро мешало восстановлению.

— Вы можете обратиться? — спросила я.

Радан открыл глаза.

— Сейчас нет.

— Почему?

— Болт останется в теле. В зверином облике он может причинить еще больше вреда.

Я кивнула.

Не стала спрашивать дальше.

Брен вернулся через несколько минут.

— Дорога свободна. Можем ехать.

Дея осмотрела повязку.

— Нужно доставить его в крепость. Как можно быстрее, но без тряски.

— Я поеду верхом, — сказал Радан.

— Нет, — одновременно ответили мы с Деей.

Он посмотрел на меня.

Я почувствовала, как горят щеки.

Но не отвела взгляда.

— Вы едва сидите.

— Я могу держаться в седле.

— А если потеряете сознание?

Радан хотел возразить.

Дея перебила:

— В карету. Немедленно.

Брен помог ему подняться.

Мы добрались до кареты.

Пока мужчины устраивали Радана на сиденье, я посмотрела на два болта, застрявших в деревянной стенке.

Один находился на уровне моей головы.

Второй вошел немного ниже.
Они стреляли не по лошадям.
Не по сундукам.
Не по солдатам, стоявшим на дороге.
Они целились туда, где сидела я.
Мне стало так страшно, что пришлось ухватиться за дверцу.
Брен заметил мой взгляд.
— Вы ничего не трогали?
Я покачала головой.
Он подошел к карете.
Осмотрел болты.
Лицо его стало жестче.
— Что? — спросила я.
— Ничего хорошего.
— Они хотели убить меня?
Он посмотрел на меня.
— Похоже на то.
Я почувствовала, как подкашиваются ноги.
— Почему?
Брен не ответил.
Из кареты раздался голос Радана:
— Брен!
Начальник охраны немедленно повернулся.
— Да, альфа?
— Ее не оставлять одну.
Брен кивнул.
— Понял.
Я хотела возмутиться.
Но сил не осталось.
Меня усадили в карету напротив раненого Радана.
Дея устроилась рядом с ним, проверила повязку и приготовила необходимые средства.
Карета тронулась.
Я смотрела на темную кровь, которая проступала сквозь ткань.
И не могла перестать думать, что болт предназначался мне.
Радан получил его, потому что закрыл меня собой.
Черный альфа, который купил меня за долги мужа.
Мужчина, которого я боялась.
Человек, который мог бы позволить убийцам сделать свое дело.
Но не позволил.
Я не понимала почему.

До крепости мы добрались поздним вечером.
Радан почти всю дорогу молчал.
Несколько раз Дея проверяла его состояние. Он отвечал коротко, иногда раздраженно, но не спорил, когда она велела ему пить воду или менять положение.
Я сидела напротив и следила за повязкой.
Когда кровь снова начала проступать, помогла Дее прижать новую ткань.
Радан посмотрел на мои руки.
— Вы могли остаться у Брена, — произнес он.

— И смотреть, как вы истекаете кровью в одиночестве?

— Дея справилась бы.

— Наверное. Но я уже здесь.

Он слабо усмехнулся.

— Упрямая.

Я подняла глаза.

Гален часто называл меня так, когда я спорила с ним о расходах или отстаивала собственное мнение.

Раньше это слово почти всегда означало, что я должна замолчать.

У Радана оно прозвучало иначе.

Без раздражения.

Почти с уважением.

Мне не хотелось придавать этому значение.

Я снова посмотрела на повязку.

— Лучше молчите. Вам нужно беречь силы.

Он послушался.

Через некоторое время Дея попросила меня подержать флягу.

Радан сделал несколько глотков.

Я убрала воду и впервые заметила, что его руки тоже дрожат.

Не сильно.

Но он с трудом удерживал пальцы неподвижно.

Мне стало не по себе.

Я слишком привыкла считать оборотней почти неуязвимыми.

Гален любил демонстрировать силу. Мог одной рукой поднять тяжелый сундук, сломать толстую ветку или легко перепрыгнуть невысокую стену.

Радан был сильнее.

Но сейчас выглядел просто раненым мужчиной.

Ему было больно.

Он терял кровь.

И продолжал спрашивать, все ли со мной в порядке.

Я отвернулась к окну.

Не хотела, чтобы он увидел выражение моего лица.

Когда мы прибыли, во дворе уже ждали помощники Деи.

Радана перенесли в лекарское крыло.

Брен отдал короткие распоряжения стражникам и остался возле дверей.

Я стояла в коридоре, прижимая руки к груди.

Пальцы были испачканы кровью.

Я смотрела на них и никак не могла заставить себя пойти умыться.

Через несколько минут из лекарской вышла Дея.

— Мира, вам нужно отдыхать.

— Как он?

— Рана тяжелая, но пока состояние устойчивое.

— Вы сможете извлечь серебро?

— Да. Здесь есть все необходимое.

Я выдохнула.

— Можно помочь?

Она посмотрела на мои руки.

— Вы уже помогли.

— Я могу держать повязки. Подавать инструменты. Что угодно.

Дея помолчала.

— Хорошо. Но если почувствуете себя плохо, немедленно скажете.

Я кивнула.

Мы вошли в лекарскую.

Радан лежал на широком столе. Рубашку с него сняли, плечо обнажили.

Я впервые увидела, сколько у него старых шрамов.

Тонкая полоска проходила вдоль ребер.

Еще одна пересекала левое предплечье.

На груди у ключицы виднелся след от давней глубокой раны.

Мне не хотелось рассматривать его тело.

Но взгляд все равно возвращался.

Не из любопытства.

Я просто пыталась понять, сколько раз этот мужчина оказывался на грани смерти.

Дея подготовила инструменты.

Вымыв руки, я стала подавать чистую ткань и следить за освещением.

Я выполняла указания, стараясь не мешать.

Когда лекарь начала извлекать болт, Радан крепко сжал край стола.

Я увидела, как побелели его пальцы.

Он не закричал.

Только резко втянул воздух.

Мне захотелось отвернуться.

Но я заставила себя остаться.

Через некоторое время Дея положила на металлический поднос окровавленный наконечник.

Серебро тускло блестело в свете лампы.

— Теперь будет легче, — сказала она.

Радан ничего не ответил.

Лекарь обработала рану, наложила повязку и попросила помощников подготовить место для отдыха.

Я отступила к стене.

Когда все закончилось, Дея подошла ко мне.

— Идите умойтесь.

Я посмотрела на руки.

На пальцах снова была кровь.

— Он поправится?

— Если не возникнет осложнений, да.

— Вы уверены?

— Я не обещаю того, в чем не могу быть уверена. Но сейчас основания для надежды хорошие.

Я кивнула.

Вышла в соседнее помещение, где стоял таз с теплой водой.

Мыла руки долго.

Кровь смывалась быстро, но ощущение оставалось.

Я вспоминала болт, торчавший из плеча Радана.

И то, как он толкнул меня за камни.

Он даже не пытался сначала спросить, успею ли я спрятаться сама.

Просто встал между мной и стрелком.

Я опустила руки в воду.

Почему?

Он мог рассчитывать получить сведения обо мне.
Мог считать меня свидетелем.
Но неужели ради этого стоило рисковать жизнью?
Я не находила ответа.
Когда вернулась в лекарскую, Радан уже лежал на кровати.
Дея проверяла повязку.
Я остановилась у двери.
— Как вы себя чувствуете? — спросила я.
Он открыл глаза.
— Живым.
— Это уже неплохо.
В уголке его рта появилась слабая улыбка.
Дея покачала головой.
— Вам обоим не мешает сон.
Я собиралась уйти, но Радан окликнул:
— Мира.
Я остановилась.
— Да?
— Стрелки целились в вас.
Я почувствовала холод.
— Я поняла.
— Это не было случайным нападением.
— Кто мог их послать?
Радан посмотрел на меня.
— Мы выясним.
— А если они вернутся?
— Усилим охрану.
Я сжала руки.
— Получается, мне по-прежнему нельзя выходить из комнаты.
Он молчал.
Я посмотрела на его бледное лицо.
Сейчас было жестоко спорить.
Но я устала от того, что все решения принимали за меня.
— Я не хочу снова жить за запертой дверью, — сказала я.
Радан медленно выдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.